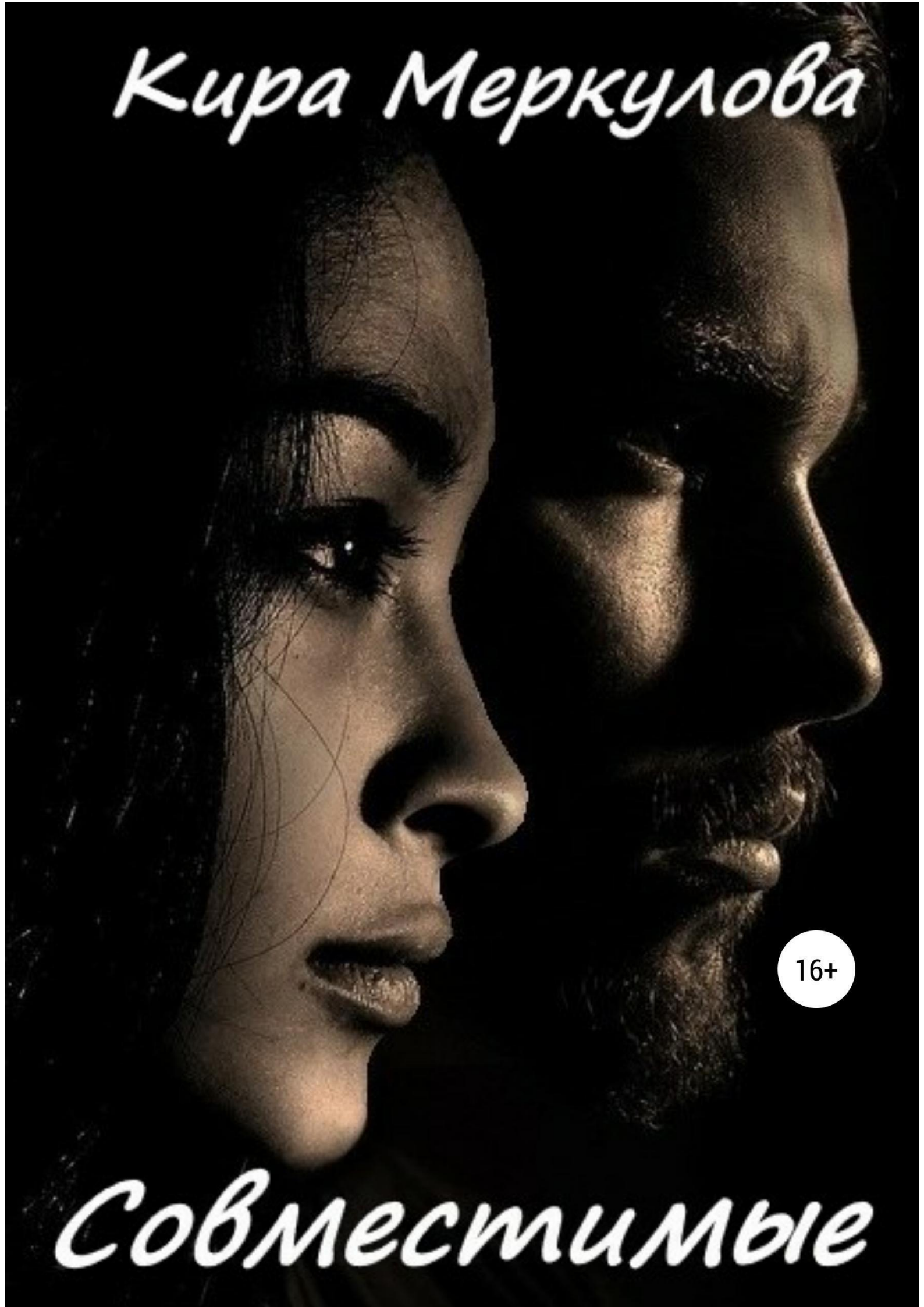

Кира Меркулова

16+

Совместимые

Кира Меркулова

Совместимые

«Автор»

2021

Меркулова К.

Совместимые / К. Меркулова — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-95157-0

Я стала для него секретным заданием и той, которая научила доверять и видеть красоту в мелочах. Он стал для меня спасением и тем, кто научил чувствовать и отпускать прошлое. Тест на совместимость не соврал – друг без друга нам нельзя. Но обстоятельства диктовали свои правила...

ISBN 978-5-532-95157-0

© Меркулова К., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кира Меркулова

Совместимые

Глава 1

Какой день подряд ночной Морфей оставлял меня без красочных снов. И дело не в хронической усталости, эмоциональном перегреве или стрессе. Моя жизнь стала настолько планомерной и однообразной, что мозгу просто не из чего было генерировать сны. Правда, я собственноручно погрузила свою жизнь в однотонность. Мой комфорт и спокойствие – превыше всего.

Несмотря на это, сегодняшний день обещал быть насыщенным. Мне требовалось повторно защитить магистерскую диссертацию. Фактически я уже являлась магистром филологии, так как с успехом прошла итоговую аттестацию пару недель назад. А сегодня выпускники с отличными дипломными работами устраивали показательное выступление для иностранной комиссии. В свою очередь, делегаты из США планировали выдать лучшему студенту грант на трёхмесячную стажировку в их стране. И так как мой дедушка являлся деканом данного факультета, я не могла его подвести.

На протяжении шести лет обучения я то и делала, что старалась быть лучшей из лучших. Многие мной восхищались, а дедушка говорил: «Недостаточно». В связи с чем уже на третьем курсе своего обучения я начала исследовательскую работу на тему «Культурологические различия английского и арабского языков». Она настолько обширна, что для начала мне пришлось досконально изучить по отдельности феномен европейского и восточного языков. В свободное от занятий время я продолжала учиться. Утро, день, вечер – посвящались погружению в ценностные ориентации и идеалы противоположных культур. Большая же часть стараний прилагалась к возможности свободно разговаривать на двух столь разных языках.

Конечно, вопрос об изучении английского языка являлся риторическим. Нельзя было оставить самый распространённый язык во всем мире без внимания. Насчёт арабского языка я долго сомневалась, так как изначально планировала изучение испанского или итальянского, на крайний случай французского. На мой выбор повлиял дедушка. На его взгляд, большинство европейцев являются людьми легкомысленными и безответственными. Он так боялся, что я пойду по стопам матери: влюблюсь в итальянца, пылкий темперамент которого закружит нас в болезненной страсти, а чувство влюблённости исчезнет вместе с главным героем. И в итоге останусь одна с тайной под сердцем, которая через пару месяцев будет заметна всем.

Да, вся моя семья входила в общество педантичных филологов, по-другому сказать, консерваторов своего дела. Моя мама – первая из нашей семьи – выбрала любовь вместо успешной карьеры. Всего одна случайная встреча разделила её жизнь на до и после. Она первая из студенток факультета зарубежной филологии нашего университета, кого отправили на стажировку за границу в те непростые девяностые. По возвращении ей прочили стать преуспевающим специалистом своего любимого дела. А впоследствии и ректором небезызвестного института. Но, видимо, её сердце решило по-другому. Всё это со слов моего дедушки.

В Германии в момент прохождения практики мама познакомилась с красивым молодым человеком, завоевавшим её сердце ещё до «объявления войны». Она рассказывала мне о нём перед сном, вместо прочтения художественной литературы.

Его звали Умберто. Он был высоким и статным. Его волосы: чёрные, как смоль, слегка подвивались и укладывались в небрежную причёску. Широкий лоб и выступающие брови, прямой нос с небольшой горбинкой, угловатые скулы и тонкие губы, карие выразительные глаза.

Даже черты лица выдавали в нём донжуана, не говоря уже о взрывном темпераменте и дьявольском магнетизме.

После окончания института на родине Умберто вместе с друзьями отправился в небольшое путешествие по Европе. Но встреча с моей мамой изменила его планы на ближайший год. Он остался в Берлине вместе с ней. А когда время стажировки подошло к концу, мама вернулась в Россию и ждала его. Он обещал прилететь, как только решит все свои семейные дела. Но этого не случилось. Мужчина даже ни разу не позвонил. А у мамы не было ни его адреса, ни номера телефона, ничего, кроме зарождающейся жизни под сердцем. В смысле, я единственное, что у неё осталось от него, если не считать болезненных воспоминаний. Даже через десятилетие с их последней встречи, она без труда могла вспомнить мельчайшую деталь его внешности, характера. Мама не переставала его любить до самого последнего дня своей жизни. Я часто думала о том, что могло изменить его планы. Но до последнего верила, что он также сильно любил её, как и она его.

Можете ли вы представить, как сложно маме было признаться во всём своим родителям и близким? Её осуждали, винили в легкомысленности. Хотя всегда легче осудить, чем попытаться понять и помочь. Но она с этим справилась. Любовь в сердце помогла ей не опустить руки, продолжить жить и чувствовать себя относительно счастливой. Если бы не трагическая авария, которая пять лет тому назад унесла жизни моей матери и бабушки, то сегодня за завтраком была бы совершенно другая атмосфера.

После трагических событий я, как и дедушка, отстранилась от общества, перестала общаться с единственным другом и полностью погрузилась в учёбу. Иногда за ужином мы могли с дедушкой перебраться парой фраз и пожелать друг другу спокойной ночи, хотя до сна было ещё далеко. Но ни он, ни я не желали покидать зону своего комфорта, обусловленную уединением.

Дедушка понимал, что иностранная комиссия именно мне выдаст грант на стажировку. Нет, он не пытался отговорить меня. Если только слегка помешать, заваливая сложными вопросами, не относящимися к теме моего проекта. Но я слишком хорошо была подготовлена. И успокаивала его лишь тем, что стажировка займёт всего три месяца, а в ответ слышала: «Можешь уезжать хоть на год». Я понимала его переживания. Именно поэтому и приняла решение отказаться от заграничной стажировки. Правда, хотела сделать это после объявления победителя.

– Софья, ты готова? Нам пора выходить, – строгий голос дедушки послышался из прихожей. Из него бы получился неплохой командир военного гарнизона. – Софья!

– Да здесь я уже! Не кричи, пожалуйста. Тем более обычно мы выходим позже на пять минут. Тебе куда-то надо ещё заехать, Павел Владимирович? – мягко спросила я, стараясь ослабить дедушкин боевой настрой. Он стоял спиной ко мне и пытался что-то найти в своём чемоданчике.

– Нет, заезжать никуда не нужно, – отвлечённо ответил дедушка.

– Да я поняла, ты просто переживаешь, – с лёгкой улыбкой произнесла я.

– Я не переживаю, – с серьёзным видом он повернулся ко мне, – просто хотел сказать, чтобы ты не отказывалась от стажировки. Не стоит из-за моих страхов терять такой шанс.

– Это сейчас мой дедушка говорит? Видимо, нет! Что вы с ним сделали? – я подошла к нему, слегка обхватила за плечи и стала внимательно всматриваться в его печальные глаза.

– Софья, заканчивай этот концерт! Я серьёзно.

– Дедуль, я уверена, что даже в своих снах ты сама серьёзность. Ладно, как ты догадался, что я хочу отказаться? Я настолько предсказуема?

– Вот скажи мне, девочка, от кого тебе досталось столько сарказма? – теперь дедушка пылливо смотрел на меня.

– Умберто! – хором произнесли мы с ним.

Ещё с детства, если я делала что-то не так или вела себя неподобающим, на усмотрение дедушки, образом, он сразу произносил имя моего биологического отца. Для него хуже Умберто в мире никого не было. А когда мама при дедушке говорила, что я копия отца, то начинались нешуточные баталии.

Дедушка утверждал, что я унаследовала черты семьи Разумовских и даже капли от какого-то Умберто во мне нет, что во внешности, что в характере. Мама, будучи тактичным человеком, всегда давала высказаться, а потом просто топила дедушку в фактах. Ведь я и правда похожа на отца: рост выше среднего сразу выделял меня из женской половины моей семьи; худое телосложение позволило бы стать моделью; кожа слегка смуглая; пышные тёмно-каштановые волосы, чуть светлее, чем у отца; лучистые карие глаза и правильные черты лица. Моей изюминкой, на мой взгляд, является очаровательная улыбка.

Наверное, вы успели заметить, что скромностью я не отличаюсь. Но мне действительно повезло. В наше время внешность много значит. Нравится нам или нет, но красота привлекает не только мужское внимание, а успех в целом, с учётом наличия мозгов. Конечно, есть место поговорке «не родись красивой, а счастливой», но я полагаю, что счастье зависит от самих нас. А прирожденную красоту можно испортить, и это я не про новомодные косметологические услуги по увеличению губ и тому подобное, а про вредные привычки, ожирение, недосыпание и вечное недовольство жизнью.

– А если серьёзно, – продолжил дедушка, – ты уже совсем взрослая, и ни капли не похожа на свою мать. Я считаю, что ты правильно сможешь распорядиться своей жизнью и не позволишь никакому Умберто её испортить.

Систематически, из года в год, словно молитву, дедушка повторял эти слова: «Не похожа на свою мать, никакой Умберто не испортит тебе жизнь».

– Я обещаю тебе, что никакой Умберто не разрушит её. А вот какой-нибудь Даниэль из солнечного Мадрида, – эту речь я давно придумала, но почему-то решила сказать только сегодня. Это было моей ошибкой. Мой обычно безэмоциональный дедушка начал багроветь, шипеть, тряссти указательным пальцем перед моим носом, но при этом смог лишь сказать:

– Софья! Не смей.

– Павел Владимирович, да не переживай ты так! Я невлюбчивая особа и вообще скептически отношусь к любовным связям. Вначале построю карьеру, создам финансовую подушку безопасности, а вот после тридцати найду себе по статусу и образованию человека, с которым войду в церковь в подвенечном платье, – опять в голосе были слышны нотки сарказма, но что поделать, если так реагировала на серьёзность своего дедушки.

– Я думаю, мы друг друга услышали, – заключил дедушка.

– Я тоже так думаю. Пойдем, нам нельзя опаздывать.

Глава 2

– Софья, я очень рад, что вы всё-таки приняли наше предложение и приехали на стажировку. Мои коллеги говорили, что вы намеревались отказаться от гранта в пользу другого специалиста, – выражал своё почтение президент Нью-Йоркского исследовательского университета.

– Да, это было связано с семейными проблемами. Но всё решилось благополучно, и я не смогла отказать себе в удовольствии поработать с американскими коллегами. Я уже вся в предвкушении, – с гордостью произнесла я.

– Мы всегда рады российским студентам и выпускникам. Ваш подход к работе и неординарность помогают нашим сотрудникам решать сложные задачи в короткое время, – прозвучало фальшиво и наигранно, но я сделал вид, будто восхищена его словами.

Его можно понять. Каждый день со всех стран мира к ним прибывают новые стажёры, которым надо оказать честь и признание. И придумывать для каждого новые эпитеты слишком затратная по времени задача.

В свою очередь от меня требовалось выказать восторг об университете и сотрудниках, но решила не задерживать президента, и со всей присущей мне скромностью заявила:

– Какое филологическое исследование на данный момент в вашем университете самое главное и сложное? Я готова найти решение в вашем вопросе.

– Смело. Если вы действительно поможете в одном интересном проекте, то, думаю, по окончании вашей стажировки мы будем говорить о годовом контракте в нашем университете, – плавно подытожил президент.

– Надеюсь, так и будет, – с моей стороны это было лукавство, так как по окончании стажировки я собиралась незамедлительно вернуться на родину.

– Тогда до встречи, Софья. Мой секретарь подскажет, как пройти по территории кампуса, чтобы попасть в корпус, в котором вы будете жить. Два этажа людей, занимающихся одним вопросом. Вам понравится. А уже завтра ваш научный руководитель расскажет об исследовании, в которое вы будете включены.

– Спасибо, мистер Адамс, – заключила я, быстро пожала вспотевшую ладонь президента и покинула кабинет.

Территория кампуса оказалась немаленькой. При условии, что располагалась в городской черте. Это явное отличие от России. У нас учебные корпуса одного института могут находиться в паре километров друг от друга, а общежитие вообще в другом конце города. Здесь же учебные здания, лаборатории, спортивные комплексы, исследовательский центр, библиотека, столовые, общежития были в шаговой доступности.

Мой корпус находился немного в отдалении от остальных учебных зданий, рядом с небольшим парком. Посмотрев в его сторону, смогла заметить, как небольшие каменные дорожки уводили вглубь, где под большими кустистыми деревьями создавалась тень. День был жарким, и влажность в Нью-Йорке на порядок выше, а с субтропическим климатом у меня давняя вражда. Оставаясь на месте, я могла лишь предположить, насколько тень деревьев разбавляет духоту. И мне этого так не хватало. Но не стала задерживаться и зашла внутрь здания.

На моё удивление воздух в здании был свежим и прохладным. Лишь потом я заметила кондиционеры в коридорах. И вот ещё явное отличие от наших общежитий.

Если так и дальше пойдет, то годовой контракт подпишу без раздумий.

Можно осуждать, но для меня комфорт важнее всего в жизни. Мне нравится уют и тишина в доме. Я не люблю бессмысленные разговоры и шумные компании, не люблю тратить своё время на бестолковые занятия. Чтобы вы понимали, бессмысленные разговоры для меня – сплетни, рассуждения о любви, быте. Бестолковые занятия – просмотр ток-шоу и подписка

на глупых блогеров в YouTube. Таких людей, как я, называют занудами. Ведь список того, что я не приемлю, довольно длинный. Но во всём этом можно найти один плюс – я никогда не навязываю своё мнение в отношении личного времяпрепровождения. Главное, чтобы никто не нарушал мои границы. И тогда я не буду говорить, куда им идти.

Я поднялась на четвертый этаж и нашла свою комнату. Открыв дверь электронным ключом, зашла внутрь. Прихожая небольшая, отделка в бежевых тонах. На одной стороне висело огромное зеркало, которое явно давно не протирали, а на другой – был установлен небольшой шкаф. Чья-то джинсовая куртка висела на вешалке. И две пары розовых босоножек и белых кед стояли на панели для обуви.

Возможно, секретарша перепутала и дала не тот ключ?

Я постаралась бесшумно развернуться и покинуть комнату со своим багажом. Но не тут-то было.

– Привет! Ты, наверное, Софья? – за спиной послышался женский голос. Хороший английский, но с акцентом.

Пришлось развернуться. Передо мной стояла высокая блондинка и добродушно улыбалась, ожидая от меня ответного приветствия. Но в тот момент меня волновал лишь её акцент, интересно же по одному только «привет» понять, откуда человек родом.

– Ты француженка? – вопрос явно её смутил, но ответ был положительным. Я чуть в ладоши не захлопала от своей сообразительности.

– Сразу видно, что передо мной филолог. Не поверишь, но я так и представляла себе тебя.

– И что именно во мне выдало филолога? – я почувствовала, как мои брови от возмущения поползли вверх.

– Вы прагматики. Во всем. Ты в строгом деловом костюме, волосы аккуратно уложены, не выделяющийся макияж. Могу лишь догадываться, что тебе не больше двадцати пяти. Хотя если бы ты была в парандже и были видны только глаза, то решила бы, что тебе около сорока. И то, как ты говоришь...

– Довольно, – прервала я юного эксперта по филологам, – я тебя услышала. Так мы будем жить вместе? – поинтересовалась, надеясь на отрицательный ответ.

– Да, слава богу. Я совсем не люблю уединение, – мне явно не хватало её оптимизма. – Ты что не рада?

– Совсем не рада. Я как раз-то люблю уединение, – безэмоционально заключила я.

– О-у... – единственное, что смогла произнести француженка.

Её глаза заблестели, ресницы быстро захлопали. Вид, словно у выброшенного котёнка, просящего любого прохожего забрать в свой дом, тёплый и уютный.

– Ладно, у нас хотя бы спальни разные? – чуть смягчив голос, спросила я.

– Давай я тебе всё покажу, – воодушевлено предложила моя соседка, – меня, кстати, зовут Оливия.

Из прихожей мы прошли в небольшую гостиную. Лишь спустя несколько минут я смогла оторваться от большого панорамного окна с видом на парк и обратить внимание на небольшой диванчик из красного велюра, плазму средних размеров и небольшой шкаф с книгами. Из гостиной можно было пройти на крохотную кухню, где из техники находились маленький холодильник, микроволновая печь и двухконфорочная варочная панель.

– В основном все питаются в столовой. Никто сам не готовит. Но если у тебя будет желание, то внизу стола есть вся необходимая посуда.

– Да, спасибо, я предпочитаю домашнюю еду, – хотелось еще добавить, что люблю принимать пищу в одиночестве или как минимум в тишине. Но не стала сразу расстраивать Оливию. Хотя, если честно, мне было всё равно на её чувства.

– Направо твоя спальня, налево моя. Можешь заходить когда угодно и даже не стучаться.

– Извини, Оливия, не могу сказать тебе тоже самое. Если вдруг мне потребуется общение, я выйду в гостиную. Думаю, что иногда вечером мы сможем вместе чаёвничать. Пожалуй, я пойду к себе, очень хочется принять душ и лечь спать, завтра рано вставать.

– Конечно, только вход в ванную комнату через мою спальню, – виновато озвучила Оливия. Я перевела на неё недовольный взгляд, хотя стоило признать, что, окажись первая в этих апартаментах, тоже выбрала бы спальню с входом в ванную. Успокаивала только мысль о том, что моё личное пространство не будет нарушаться. И, вообще, что за мастер сделал такое неудобное расположение?!

– У всех так?

– На каждом этаже только одна такая комната.

– Может, они обиделись, что я вначале отказывалась от гранта? – прошипела я.

– В смысле?

– Ты вообще давно здесь?

– Нет, всего пять дней. Но уже успела познакомиться со всеми, кто работает над проектом доктора Коллинза. А ты тоже его поклонница?

– Нет, фанатизм мне не свойственен. А что за проект?

– Что? Тебе не сказали, что ты будешь работать в исследовательской группе над проектом столетия? Это же главное событие того года. В области генетики ему дали Нобелевскую премию, – тараторила Оливия, а я всё больше не понимала, чем именно буду заниматься. – Принимай душ, приводи себя в порядок, а я пока сделаю чай и затем всё тебе расскажу.

Мне ничего не оставалось, как молча кивнуть в знак согласия и направиться в свою комнату.

Дедушка рассказывал, что в основном все филологи из России занимаются историческим разбором языков, которые они изучали в университете на родине, некоторые погружаются в детальное изучение палеографии.

Но что предстоит мне?

Моя комната оказалась небольшой, но вполне уютной. Справа от входа находился письменный стол и встроенный шкаф. Слева полутораспальная кровать с тумбочкой и в углу мягкое ворсистое кресло. По центру небольшое окно. Цветовая гамма, как и в предшествующих комнатах, светло-бежевая. И бесценно важное для меня – кондиционер.

Долгий перелет из Москвы в Нью-Йорк всё-таки оказал влияние не только на мою физическую активность, но, видимо, и на психическую. В какой-то момент мне захотелось схватить вещи и бежать в сторону аэропорта. Но ведь я не привыкла так быстро сдаваться. Да и что я скажу дедушке: «Дедуль, эти американцы такие плохие! Мало того, что заселили меня в один номер с француженкой, не перестающей болтать ни на секунду, так ещё я буду вовлечена в проект из области физиологии и медицины. Если и внесу какой-то вклад, то вряд ли меня запомнят».

– Бред, – еле слышно произнесла я.

Холодный душ и чашка крепкого чая помогли взбодриться. И даже ненадолго я успела насладиться долгожданным одиночеством, пока моя соседка болтала с каким-то парнем, стоя в прихожей.

– Надеюсь, она не будет водить сюда мужчин, – негромко озвучила я.

Я попыталась настроиться на рабочий лад. Моя высокая самооценка уверяла, что я со всем и всеми справлюсь. Вначале я решила узнать про доктора Коллинза и его бесценный вклад в развитие человечества. Ещё весомый плюс данного общежития – бесплатный высокоскоростной Wi-Fi. Вот что у американцев не отнять – умения создавать комфорт.

Итак, информации о нобелевском лауреате Райане Коллинзе было предостаточно. Начиная с того, что, будучи ещё студентом, страдал от серьёзной наркотической зависимости, и

заканчивая прорывом его сорокалетнего исследования. Не успела открыть следующую ссылку, как в мою комнату внезапно вбежала Оливия с криками: – Прости, что без стука!

– Что-то случилось, Оливия? – холодно поинтересовалась я.

– Да! Меня просто отвлек знакомый, а мне очень хочется самой рассказать тебе об этом удивительном человеке, который, можно сказать, спас мир от разводов, одиночного материнства, сирот...

– Ты сейчас про Коллинза?

– О ком же ещё! – с воодушевлением ответила она.

– Ладно, я поняла. Присаживайся, – указала ей на кресло в углу комнаты, а ноутбук пришлось выключить.

– Встречала ли ты, София, в своей жизни человека, который, словно феникс, восстал из пепла и спас мир от разрушений? – высокопарно начала своё повествование Оливия.

Она явно страдает фанатизмом, либо я действительно плохо осведомлена о современных героях.

– Оливия, пожалуйста, избавь меня от фразеологизмов. Давай чётко и по делу, – попыталась сказать со всей присущей мне мягкостью. Ах да, забыла! У меня же её никогда не было. Сразу стало понятно, почему уголки рта моей соседки опустились и взгляд опечалился.

– В студенческие годы мистер Коллинз был влюблён в свою сокурсницу. Все твердили о том, что они идеальная пара. Многие завидовали. Вот у тебя есть любимый человек?

– Оливия, ты отвлекаешься, – равнодушно произнесла я.

– Прости, я думала нам стоит больше узнать друг о друге.

– В другой раз. Сейчас меня интересует только исследование.

– В общем, за месяц до их свадьбы она сбежала. Причем не одна, а с новым возлюбленным – вратарем студенческой команды по футболу. Она разбила сердце юному Райану. Уныние переросло в депрессию. И наркотики чуть не погубили его.

– Слабый человек, что тут скажешь, – невольно вставила я.

– Нет, ты не понимаешь! – удивлённый визг Оливии слегка меня напугал. – Ты, наверное, никогда не любила... не влюблялась... не привязывалась, – драматичность зашкаливала.

Кто же Оливия по профессии? Явно по ней плачет театральное училище, еще чуть-чуть и расплачется на ровном месте.

– Оливия, ближе к делу и не стоит столь вспылчиво реагировать на мои слова, – попыталась её успокоить.

Девушка продолжительное время внимательно всматривалась в мое лицо, но все-таки продолжила говорить.

– Он сильный. Просто его душевная организация слишком остро реагирует на негативные ситуации в жизни. Но он смог справиться! После нескольких лет зависимости он выбрал жизнь. Именно тогда он и решил во что бы то ни стало доказать, что генетика великая наука, благодаря которой можно осчастливить многих людей.

– Вступительная часть закончилась? – с долей сарказма уточнила я.

В ответ лишь положительный кивок головой.

– Это была важная информация. Именно эта несправедливая полоса в его жизни и дала предпосылки к изучению совместимости партнеров посредством считывания информации с молекул ДНК. Пятнадцать лет понадобилось, чтобы выяснить, как нужно соединить данные чужеродных молекул противоположных полов, дабы получить в результате возможность спрогнозировать их любовную связь. Остальные двадцать пять ушли на исследования с уже состоявшимися семьями и молодыми людьми, только начинающими строить свою личную жизнь. Угадаешь результаты?

– Удиви меня! – с иронией на лице обратилась к Оливии.

– Девяносто шесть процентов сложившихся отношений были спрогнозированы верно. В эксперименте участвовало более двухсот тысяч пар. После официального оглашения научного прорыва эксперимент продолжается, и число испытуемых увеличивается в соответствии с геометрической прогрессией каждый месяц. По предварительным данным, в этом году присоединилось более ста миллионов человек. В тридцати странах уже открылись филиалы Нью-Йоркского центра генетической совместимости имени Райана Коллинза. Правда, не все признают открытие нобелевского лауреата, особенно жители России и Китая. Но это ненадолго. Вы консерваторы, вам надо время.

– Я, конечно, не сильна в генетике, да и вообще в медицине. Но разве любовь – это не всего лишь химический процесс, который происходит под действием определенных гормонов?

– Как с тобой сложно! Ты, вообще, филолог, который не должен лезть в суть вопроса генетиков. Тебе не кажется? – Оливия показала зубки.

– Я не хочу быть тупой овцой в общем стаде поклонников уважаемого Коллинза.

А что? Я тоже умею огрызаться.

– Мы не овцы. Это раз. Не достаточно информации от меня, то этажом ниже генетики, там тебе любой докажет на пальцах успех доктора Коллинза. Это два. Я обиделась. Это три. Спокойной ночи, София, – уже полюбившаяся мне соседка со слезами на глазах выбежала из комнаты.

Как воспитанному человеку, мне следовало сразу же извиниться перед Оливией. Но дремлющая совесть не была со мной согласна. Поэтому, долго не раздумывая, я отправилась спать. Тем более восьмичасовая разница во времени и десятичасовой перелет сказались на моём самочувствии.

Утро оказалось великолепным. И вовсе не из-за солнечной погоды, а из-за отсутствия Оливии в апартаментах. Видимо, девушка была настолько обижена моими словами, что даже с утра не захотела со мной встречаться. Совесть всё также молчала, а в голове рождался план по переезду в другую комнату. Разумеется, без соседей.

Лёгкий душ почти помог проснуться, оставалось дело за кофе. Затем взяла ежедневник, чтобы немного распланировать день. Хотя я ещё и не была знакома со своим рабочим графиком, но от многолетней привычки отказаться не смогла. Вот только моё беззаботное утро быстро приобрело оттенки уныния.

– София, ты уже проснулась? А мы как раз с ребятами принесли вкусные булочки к чаю, – в комнату вошла Оливия и двое парней азиатской внешности.

– А я думаю, чего мне не хватает, – прозвучала слабая попытка радости в моём исполнении.

– Знаешь, я вчера долго анализировала наш разговор. Всё-таки образование психолога помогает понять психику личности, его проблемы и особенности. И я поняла, что ты обладательница ригидного мышления. И к тебе нужен особый подход. Знакомься, это Ен и Ким. Они генетики и смогут тебе наилучшим образом объяснить детали проекта доктора Коллинза, – как всегда Оливия вложила всё вдохновение в свою речь. Ен и Ким не особо понимали происходящего, но улыбались с каждой секундой всё шире.

Вначале думала, что меня подводит знание английского языка, так как слова этой малахольной о том, что она психолог, а у меня расстроенное мышление, по её мнению, в моей голове вообще не укладывались. Ен и Ким тоже не внушали доверия. Я боялась представить остальных участников данного проекта.

Неожиданно моя совесть проснулась и начала намекать: а что если это со мной что-то не так, а не с этими дружелюбными ребятами? Что если открытие доктора Коллинза действительно станет уникальнейшим прорывом двадцать первого века. Что если я своим внукам буду рассказывать о своём участии и вкладе в этот проект. А они, в свою очередь, будут мной гордиться.

Совесь уснула, проснулся разум: нет, это просто месть. Американцы не любят русских – известно всем. Вот и руководители университета решили включить меня в самый примитивный проект, который у них был. Да и ещё поселили меня к психологу, которой не мешало бы самой показаться «душевному» доктору.

Столкновение между совестью и разумом было прервано стуком в дверь.

– Здравствуйте, мне нужна Разумовская Софья, – в комнату вошла молодая девушка.

– Это я, – угрюмо отозвалась.

– Отлично. Через полчаса у нас собрание филологов в третьем корпусе, кабинет 120. Будем вас ждать, – в ответ я лишь кивнула, а она покинула комнату с той же милой улыбкой, с которой и зашла.

– Надеюсь, через три месяца стажировки я не начну также глупо улыбаться, – задумчиво произнесла я.

Оливия и парни в недоумении на меня посмотрели. Хорошо, что я произнесла это на русском.

– Я говорю, что мне пора идти. Великие дела ждут, – уже на английском обратилась к ребятам и побрела в свою комнату.

Глава 3

– Доброе утро, уважаемые коллеги, – начал свою речь руководитель группы филологов, – спасибо, что пришли все вовремя. Думаю, мы с вами самая организованная группа в данном проекте, – мужчина одобрительно улыбнулся и начал что-то усердно искать в своей внушительной кипе бумаг, что позволило мне рассмотреть его детальнее.

Правда, взгляду не за что было уцепиться: ничем не примечательная внешность мужчины за пятьдесят скрашивалась лишь бородой в форме морского якоря. Густые пепельные усы в сочетании с козлиной бородкой действительно ему шли. В остальном: рост не выше метра восьмидесяти, а телосложение скрывалось старомодным брючным костюмом.

В небольшом светлом помещении за круглым столом сидело около двадцати человек. В основном девушки. В ответ на речь руководителя все слегка улыбнулись, без энтузиазма, что меня слегка обрадовало, после безудержных улыбок Оливии и её друзей.

– Для начала поприветствуем новичков. Это Софья Разумовская из России, – рукой он указал в мою сторону, в ответ я приветственно склонила голову, – и Каролина Ариас де Браво из Испании, – девушка приветственно всем помахала. – А я – Дин Вайн, профессор лингвистики из Калифорнийского университета, – представился мужчина для нас двоих, – вот уже полгода я возглавляю данную группу по филологическим аспектам в проекте доктора Коллинза. В общем, мы уже давно здесь трудимся. Вначале сделаю пару объявлений для всех, а потом поговорю с новыми членами нашей дружной команды.

Стоит сказать, что Дин Вайн оказался очень щепетильным в рабочих вопросах, поэтому его несколько объявлений затянулись на час. Честно говоря, можно было вложиться и в двадцать минут. Отпустив всех членов команды, кроме нас с Каролиной, он попросил сесть ближе и начал своё повествование:

– Девушки, мы живем в век прогресса. И он заключается не только в научно-технических достижениях, как все думают. Но и в социальных тоже. Доктор Райан Коллинз потратил большую часть своей жизни на то, чтобы всё человечество смогло сбросить свои души от обид и разочарований в личной жизни. Вроде бы он сделал прорыв в генетике, но в первую очередь он отразится на наших жизнях, вернее, уже на ваших и ваших потомков.

– Неужели анализ крови может показать совместимость с противоположным полом? – не выдержала я, получилось с ноткой раздражения.

– Софья, я вас понимаю. Когда меня приглашали в эту исследовательскую группу, поверьте, я был настроен скептически. Но согласитесь, люди, которые выдают одну из самых престижных премий мира, вряд ли присудят её недостойному человеку.

– Возможно, – согласилась я.

– Вам стоит поговорить с генетиками, которые сейчас трудятся в одной упряжке с нами.

Они смогут по-научному объяснить все детали.

– А что требуется от нас? – решила подтолкнуть его к главному.

– У вас деловая хватка. Да, давайте начнем, – и он вновь начал перебирать свои бумаги.

– А правда, что у нас тоже возьмут кровь, чтобы подыскать нам партнера по жизни? – заговорила Каролина.

– Да! Вы знаете, даже у меня брали кровь, и я попросил свою жену сдать, у нас, между прочим, семьдесят два процента совместимости, – восторженно заговорил профессор, не так, как о работе.

– Это же здорово! Софья, а ты замужем? – обратилась ко мне Каролина.

– Нет, – без размытости и прочих эпитетов ответила я.

– А я помолвлена, мне не терпится узнать о совместимости с любимым, – Каролина явно не хотела говорить о работе.

– А что если процент будет низким, расторгнете свадьбу? – поинтересовалась я.
– Не знаю, – замешкалась девушка, чего я и добивалась.
– Профессор, так чем я буду заниматься? – перевела серьёзный взгляд на мужчину.
– В вашей анкете указано, что вы хорошо знакомы с литературным арабским, но детально занимались сиро-палестинским диалектом. Верно, Софья?

– Да, но, в принципе, могу работать с любым из современных диалектов.
– Отлично. Вам, наверное, неизвестно, но в практике совместимости по исследованию Коллинза встречаются пары из разных языковых групп. Я бы сказал, из разных миров. К примеру, уже известен случай, когда дипломату из Сомали подошла русская девушка. Правда, она проживала в Париже и говорила на французском лучше, чем на русском. Кажется, у них процент совместимости был под девяносто. Они недавно поженились, после того, как девушка приняла ислам. Но всё же, я думаю, ещё будут пары из арабского и русского миров.

– Это ужасно! – вспыхнула я. – Смешение народов в давние времена привело к вымиранию целых цивилизаций, конечно, не только это, были и другие факты. Но ведь уже доказано, что метисация ведёт к сбою в человеческой природе. Это преступление против природы и человеческой жизни. Я больше поверю в то, что смешение рас ведёт к бесплодию, чем в совместимость людей по методу Коллинза.

– Не переживай, в основном люди находят себе пару в своей этноязыковой группе, – профессор ненадолго призадумался и продолжил, – в любом случае нас попросили сделать методички для людей разных языковых групп, чтобы им было быстрее и проще найти общий язык.

– Звучит интересно, – наигранно порадовалась я. Возможно, как филолога меня заинтересовала работа, но как индивидуума современного общества, в котором и так процветают болезни тела и духа, мне было противно. И я не могла этого скрыть.

Сюда бы дедушки! Он быстро наведёт порядок и свернёт это жалкое исследование!

– Пару недель назад лингвист из Иордании составил памятку для пары из арабского и русского миров. Я хочу, чтобы вы её изучили и внесли свои поправки, как говорится, с другой стороны посмотрели. Филологи смотрят глубже, чем лингвисты. И всё же он опирался на знания своего языка, хотя удивительно неплохо владел русским. Вот, я сразу принёс её вам, – он протянул мне тонкую папку.

– Хорошо, я поняла. Сколько у меня времени?

– Так, сегодня у нас вторник. Давайте через две недели мы обсудим ваши «за» и «против». А потом уже более детально вы займетесь корректировкой.

– Договорились, я могу быть свободна?

– Конечно, теперь я поговорю с Каролиной, – они заговорщически переглянулись.

– Не буду вам мешать, – я покинула кабинет и направилась в сторону своего общежития.

– Один... два... три... – чуть слышно считала я, при этом делая глубокий вдох-выдох.

Мысли всё металась между интересной работой и сожалением о принятии гранта на стажировку. Но отступать уже было некуда. Работа в исследовательской группе заинтересовала меня, но только то, что касалось именно моей стези. С остальными фактами мириться не собиралась. По крайней мере, пока мне кто-нибудь доходчиво не объяснит и не докажет, что открытие основано на точных расчетах.

Но мне всё равно требовалось выплеснуть куда-нибудь накопленный негатив, поэтому, не выдержав, зашла к коменданту общежития. Правда, и здесь поджидало разочарование. Как я и предполагала, в другие апартаменты меня переселить не могли.

Свободных мест у них не бывает, всё расписано на год вперёд. И точка!

Но мне предложили написать жалобу на соседку, если что-то не устраивает в её поведении. Проведут «разбор полётов». И, вероятно, её отправят домой, а ко мне поделят нового компаньона. Комендант был явно недоволен моими требованиями. И не видел никакой про-

блемы в том, что мне приходится ходить в ванную комнату через личное пространство другого человека.

Не стала заходить в общежитие, решив прогуляться по узким тропинкам парка и успокоиться. Полуденное августовское солнце палило беспощадно, немного спасала тень от густых крон деревьев. Погода даже не думала о том, чтобы порадовать жителей «Большого яблока» спадом высокой температуры. Я мечтала о прохладных осенних дождях.

Присела на лавочку под поникшей ивой и решила позвонить бабушке. Хотела услышать его командный голос, приправленный суровостью и добродушием одновременно.

– Алло, Софья, – услышала родной голос. Даже на мгновение стало тяжело глотать – мешал ком в горле.

– Привет, бабушка, – несвойственно пропищала я.

– Что-то случилось, что у тебя с голосом? – напрягся он.

– Всё нормально, тебе показалось, – собралась я. – Ты уже поужинал? – перевела тему.

– Да, ложусь спать. Как работа? – интересовался бабушка в своей строгой манере.

– Пока не понятно. Давай, я тебе на выходных позвоню и всё расскажу, – не было желания рассказывать ему про бред реальности.

– Звони, и не забывай, ты представляешь свою страну...

– Бабушка, – прервала его, – не начинай!

– Ладно, спокойной ночи, – ступевался он.

– Тебе спокойной ночи, а у меня ещё целый день впереди. И не забывай пить лекарства, – хотелось добавить «я тебя люблю», но в нашей семье это не принято.

Тема любви никогда не поднималась в нашем доме – стояла наравне со слабостью и глупостью. Поэтому и у меня отношение к ней не серьёзней, чем к выбору геля для душа.

Я не позволила себе погрузиться в домашние воспоминания, как обычно это делала, когда не была занята учёбой или работой. Ведь в Нью-Йорк я прилетела не за этим. Я обещала своему любимому декану привезти свидетельство об отличном выполнении задач на стажировке. Поэтому план на оставшийся день был несложным: обед – работа – ужин – работа – сон.

Подходя к общежитию, заметила раскрытое настежь окно в одной из комнат, откуда доносились крики и смех молодёжи. Создаваемый шум к работе не имел никакого отношения, что удивительно, так как рабочий день был в самом разгаре.

И, главное, этаж, на котором я живу.

Когда я шла по коридору, то интуиция уже подсказывала мне, что комната, из которой доносился шум, окажется моей. Но, как говорится, – надежда умирает последней.

Не успела дойти до нужной двери, как оттуда выбежала рыжеволосая девушка, а за ней парень, и они со смехом пробежали мимо меня к выходу.

– Что за...? – я явно не ожидала встретить детские игры в столь серьёзном заведении.

Медленно приоткрыла дверь своих апартаментов, и шквал гогота – по-другому не назвать – обрушился на меня, как неожиданная гроза в середине зимы.

Мало того, что я не нашла места, где поставить свои туфли, так как около десяти пар обуви были раскиданы по всей прихожей. Так ещё на меня никто не обращал внимания, пока сама не обратилась к сборищу молодых людей.

– Что здесь происходит? – как строгая учительница начальных классов, спросила я у толпы.

Все резко перестали смеяться и разговаривать, перевели свои умные глазки на меня. Видно, испугались, вдруг я смотритель общежития.

– О, Софья, – закричала Оливия, – ребята, знакомьтесь, это моя соседка. Лучший филолог из России.

Её речь была призывом к воцарению хаоса: все дружно начали перекрикивать друг друга, обращаясь ко мне со своими приветствиями и прочей дружелюбной ерундой.

– Всем привет, – без лишних эмоций поприветствовала я, – Оливия, не могла бы ты зайти ко мне в комнату?

– Ты уже обедала? – обратился ко мне парень приятной наружности.

– Нет, думаю сейчас отправиться в столовую, вряд ли смогу работать в таком шуме, – милая улыбка скрасила мой образ строгой учительницы.

– Там сегодня нет ничего вкусного, мы принесли много наборов с китайскими салатами. Оливия специально для тебя оставила один контейнер, – он говорил спокойно и уверенно.

– Вот держи! Уверена, ты ещё не успела пообедать, – подходя к нам, Оливия протянула мне бумажную коробку с едой.

– Спасибо, – немного стушевдалась я.

– Мы с Люком решили проставиться, – она указала на парня, с которым я разговаривала, – мы вместе прибыли из Парижа, он тоже окончил университет Сорбонна.

– Ты училась в Сорбонне? – с ужасом спросила я.

– А что тебя так удивляет? – с недоумением спросила она.

Что за...? Вероятно, это будет мой любимый вопрос во время стажировки.

– Софья? – Люк обратился ко мне с лукавой улыбкой, но как только Оливия посмотрела на него, мгновенно посерьёзшел.

– Простите, задумалась. Мне казалось, что ты говорила об учебе в другом университете, – попыталась оправдаться я. Не хотелось вновь её обижать.

– Мы вроде не обсуждали учебные заведения, – настаивала Оливия.

– Оли, дай поесть человеку, – прервал Люк наш бессмысленный диалог.

– Да, конечно, приятного аппетита, – она ненадолго задержала на мне пристальный взгляд и ушла в сторону ребят, сидевших на диване.

– Неловко получилось, – сказал Люк.

– Что именно? – попыталась я не выдать истинных чувств.

– Да, брось. Оли странная. Так было всегда. Так и останется. Но она действительно хорошо училась и прошла квалификационный тест на стажировку в Нью-Йорк.

– Кто угодно, но психолог? – обрывисто произнесла я.

– Позволь не согласиться. Психологи, как правило, и есть не от мира сего, – заключил Люк.

– Может, ты и прав.

– Тебе надо пообедать, – он указал на коробку в руках.

– Да, пойду к себе. Ещё раз спасибо, – я помахала ему коробкой. – Забыла спросить, кто ты по образованию?

– А ты как думаешь? – игриво усмехнулся он.

– Ты тоже не от мира сего?

– Не без этого. Приятного аппетита.

Пока пыталась запихнуть в себя китайский салат, обдумывала: устроить скандал Оливии сразу или вечером. Но всё-таки смиловалась и решила перед сном поговорить с ней о запрете таких вечеринок в наших апартаментах.

Ещё раз повторится, и без раздумий напишу жалобу.

Мне не терпелось приступить к ознакомлению с методичкой иорданца, но работать в комнате из-за постороннего шума было невозможно, на улице душно, а специально оборудованное место для работы мне пока не выделили. Обещали через пару дней. Но желания тратить время впустую не было, поэтому после обеда планировала дойти до ближайшего супермаркета. Китайские салаты – это последнее, чем мне хотелось бы питаться. Но что-то пошло не так. На обед мне дали лишь полчаса.

– Ты уже разобралась с салатом? – после короткого стука в дверь, показалась голова Оливии.

– Да, спасибо. Он был съедобным, – эпитет «вкусный» всё-таки под его описание не подходил.

– Юристы разгоняют интересную тему, не хочешь послушать?

– Даже так? Это имеет отношение к исследованию Коллинза? – спросила я.

– Непосредственное, – заинтриговала меня соседка.

– Тогда иду.

Удивительно, как много людей смогло поместиться в нашей небольшой гостиной. Две девушки сидели на подоконнике и явно разговаривали о своём, не обращая внимания на остальных. Лысый парень пролистывал что-то в своём телефоне, сидя на нашем небольшом диване. По обе стороны от него вместились две девушки, идентичное сходство которых говорило о том, что они близнецы. Люк сидел на кресле, которое, видимо, из комнаты Оливии, а тем временем хозяйка кресла разместилась на коленках у товарища по университету. А они все так дружат в Сорбонне?

Перед ними выступал парень с экспрессивной речью, второй безмолвно подпирал стену.

– Привет, – обратилась я к ним.

– Привет, ты, наверное, Софи? – поздоровался один из них, второй лишь помахал рукой.

– Если быть точными, то Софья, – исправила я. – Что у вас за дебаты?

– Мы предлагаем принять закон, позволяющий вступать в брак только при совместимости партнеров выше шестидесяти пяти процентов по методу Коллинза. Банк крови генетического центра уже заполнен миллионами пробирок, большинство граждан штатов сдали кровь. Другие страны тоже подтягиваются. Пусть с нас всё начнётся, мы станем первооткрывателями в изменении личностных отношений, нам не привыкать, – парень говорил громко и надменно, словно предстал перед членами Конгресса, а не перед кучкой ученых.

– В том году только узнали о такой возможности, людям надо привыкнуть, – глухо выступила Оливия.

– Я не говорю, что нужно срочно принимать закон, может, года через три, – парировал парень.

– Почему именно шестьдесят пять процентов, а не семьдесят? – поинтересовалась я.

– А ты вообще знакома с градацией совместимостей? – парень нахмурился.

– Ещё не успела,ознакомишь? – спокойно спросила я.

– Оли, дай Софье, – он сделал акцент на моём имени, – методичку, в которой каждый процент совместимости детально прописан. Вместо сказки на ночь прочтёт.

– Давай, я обобщённую статистику тебе расскажу, – вмешался Люк, видя напряжение между мной и умником.

– Первая ступень от пяти до пятнадцати процентов – при таком раскладе люди могут быть лишь знакомыми, сближение в сторону дружбы невозможно. Пару недель общения, и вы либо враги, либо вовсе утратили интерес друг к другу. Вторая ступень от шестнадцати до тридцати процентов – людей связывает то ли дружба, то ли вражда.

– Я общалась с одним парнем из отдела генетиков, он сказал, что следует обходить человека стороной, если ваша совместимость набрала не выше тридцати процентов, – вмешалась Оливия. – И тебе стоит знать, что определение совместимости по методу Коллинза возможно только для гетеросексуальных пар. И это не обсуждается.

– Я и не планировала, – удивленно произнесла я.

– Третья ступень, – продолжил Люк, – от тридцати одного до сорока пяти процентов – хорошие друзья, но сознание может обмануться, и примешь человека за единственного и неповторимого. Интуиция будет биться в истерике, но, к сожалению, люди часто пропускают её возгласы. А когда через год подаются документы на развод, вспоминают о давящем чувстве в груди.

– Ты так проникновенно говоришь, – Оливия восхищено посмотрела на Люка.

– Да вы тут все... – не сразу смогла подобрать нужный эпитет, хотелось сказать «не от мира сего», но зачем повторяться и обижать людей, – страстные поклонники труда доктора Коллинза.

– Я буду уверен в его работе, только когда сам познакомлюсь с истинной парой, – Люк коварно улыбнулся.

– Звучит красиво, но как-то неправдоподобно, – подытожила я. На мои слова Люк не отреагировал.

– Когда ступень от сорока шести до пятидесяти пяти – можем надеяться на непродолжительный брак длиной в десятилетие. Потом, как правило, люди понимают, что их жизненные пути разошлись, и редко кто готов сохранить брак. В первую очередь страдают дети, в таких семьях больше всего насилия, но не физического, а морального. Но давайте не будем о грустном. Лучше, когда пятая ступень – от пятидесяти шести до семидесяти процентов – это крепкий брак, связанный на доверии и уважении, хотя бывают расколы и у них, но, как правило, люди стараются сохранить супружество и жить под одной крышей, даже если устали друг от друга, – Люк загадочно подмигнул мне и продолжил. – А вот красиво, когда шестая ступень. От семидесяти процентов и выше, но, разумеется, только до ста.

– Говорят, что связь выше восьмидесяти пяти процентов – любовь с первого взгляда, – не выдержала Оливия, мечтательный взгляд которой говорил о надежде на такой безупречный союз.

– Ребята, вы сейчас серьёзно? – у меня уже не осталось желания спорить и ругаться.

– Тебе просто надо сдать кровь и узнать результат, может, найдется и для тебя принц. На нём и проверишь, работает или нет, – мягко объяснил Люк.

– Тем более мы сдаём бесплатно, и через две недели присылают результат, – Оливия поддержала Люка.

– Вы уже все сдавали? За это ещё деньги берут? – удивилась я.

– Мы сдали, ждём результаты через две недели. Тебе надо спуститься на первый этаж в медпункт. Сдашь кровь, а они сами доставят её в лабораторию, – объяснил Люк.

– Для обычных граждан США процедура стоит сто двадцать долларов, – очнулся юрист.

– А у нас в Париже ровно сто евро за один анализ, а если приходишь с парой, то девяносто евро, – сказала Оливия.

– В Мадриде стоит сто двадцать евро, – сказал лысый парень, не поднимая взгляда от своего гаджета.

– Интересно, сколько в России? – озвучила я, но все лишь пожали плечами. – Даже если перевести сто двадцать долларов в рубли, получится около девяти тысяч рублей. Это очень дорого. Но в этом и плюс. Россия еще очень нескоро вступит в ряды фанатиков Коллинза, – искренне радуясь, заявила я, но остальные с недовольством оценили моё предположение.

Интересно, вам не понравилось слово «фанатики» или то, что Россия не скоро поддержит другие страны в переходе на новую оценку семейных отношений?

– Не обижайтесь, может, уже через месяц я буду бегать по общежитию с криками «влюбилась в своего избранника», – попыталась смягчить обстановку.

– Что-то мне подсказывает, что тебе никого не подберут, – сказал юрист и направился в сторону выхода.

– А тебе уже подобрали? – кинула ему в спину. Но он не удосужился ответить.

Я перевела взгляд на ребят. Но в ответ встретила жалостливые взгляды.

И что я такого сказала?

– Не обижайся на него, – заговорил другой юрист, до этого молчавший, – он не злой. Просто ему действительно не смогли подобрать пару. В письме от исследовательского центра говорилось о ближайшей совместимости лишь в тридцать процентов. Они даже не скинули анкету девушки.

– Центр скидывает анкету партнера, если совместимость больше шестидесяти, – сказала Оливия.

– Он переживает, что его избранница окажется не американкой, – пояснил парень.

– А корейкой, и поделом ему будет, – решила съязвить я.

– Софья! – вскрикнула Оливия. – Будь добрее!

– А корейка тоже женщина, при том может стать неплохой женой и готовить ему традиционное Сунде.

– Его родители не примут корейку, даже русскую отвергнут. Что-то вроде семейных предрассудков, – сказал парень.

– А если совместимость с корейкой будет больше восьмидесяти пяти? Всё! Любовь – морковь. А родители рано или поздно смирятся, – не унималась я.

– Вряд ли. Я хорошо их знаю.

– Вы из одного города? – спросил Люк.

– Мы из одного дома – сводные братья.

– Сочувствую, – не сдержалась я.

И, кажется, что такого сказала, но все присутствующие посмотрели на меня с неодобрением, даже лысый парень отвел взгляд от экрана телефона.

– Всё, молчу! – я подняла руки вверх, показывая, что сдаюсь.

– Дей, а как с твоими результатами? – обратилась Оливия к юристу.

– Скажем так – мне повезло больше. Мы с братом из небольшого городка на окраине штата Северная Дакота. Так вот в старшей школе я встречался с девчонкой – моя первая любовь. По окончании школы наши дороги разошлись. Вернее, мы разъехались: поступили в разные университеты в разных городах. Удалось продержаться только год на расстоянии, ревность убивала всё тепло в наших отношениях. И мы приняли решение остаться друзьями. Поначалу созванивались, потом всё перешло в переписку в соцсети, а в последние года ограничивались поздравлениями с днём рождения и рождеством.

– Не может быть? – с воодушевлением спросила моя соседка.

– Это было первое, что я сказал себе, когда увидел её анкету в письме из центра.

– И какой процент совместимости? – скептически спросила я.

– Семьдесят пять процентов.

– О-у! – присвистнул парень с дивана.

– Получается, она раньше тебя сдала кровь? – уточнила Оливия.

– Да, ведь девчонки помешаны на всём, что связано с любовью. Кроме тебя, Софья, – смеясь, парень обратился ко мне.

– Да брось, таких, как я, много.

– И называют вас феминистками, – заключил Дей.

– А у кого-то проблемы с сексизмом? – заметила я.

– Феминистки тоже хотят любви, – встrepенулась одна из близняшек.

– Она узнала от тебя или уже от центра о вашей совместимости? Они же сами только через пару дней отправляют результаты твоей половинке? – спросила Оливия.

– Я сам сказал ей об этом. Вернее, в социальной сети отправил скриншот с ответом от центра. В их письме они указали, что через сорок восемь часов сами оповестят счастливицу.

– Она тебе поверила? – спросил Люк.

– Нет, решила, что это шутка. Тем более она знала, что я люблю делать разные вещи в графическом редакторе, – пояснил парень. – Мне пришлось ждать, когда направят официальное письмо в её адрес.

– Я бы тоже не поверила, – сказала Оливия. – Хорошо, что они продумали дополнительную систему проверки официального письма с помощью QR-кода. Отсканировал и сразу попал в личный кабинет на официальном сайте центра. Там тебе и письмо-подтверждение о совме-

стимости. Ой! Прости, я тебя перебила, – девушка виновато улыбнулась и послала парню смущенный взгляд.

– Не извиняйся, – поддержал её юрист. – Через два дня она связалась со мной. По видеосвязи, – парень усмехнулся сам себе и продолжил: – Не думал, что так соскучился по её голосу, улыбке, смеху. Я уже и забыл, какая она нежная...

– Пожалуйста, не продолжай, – остановила его я.

– Это же так мило, – с непониманием посмотрела на меня соседка. – Я начинаю подозревать, что твоё натянутое отношение к открытию доктора Коллинза связано далеко не с технической стороной исследования, а с твоим неверием в любовь и отрицанием всего, что с ней связано, – её слова вызвали лишь смех, правда, смешно было только мне. Даже Люк, которого я считала адекватным парнем, смотрел со всей серьёзностью, будто поддерживал Оливию в её выводах.

– Может, у нас разные понятия о любви? – загадочно ответила я. Отчасти Оливия была права: дело не только в Коллинзе и его открытии. А в том, что любовь приходит и уходит. И иногда лучше не знать этого чувства. Нет чувства – нет боли. Мой девиз.

– Отстаньте вы от девушки! Вот сдаст кровь, и посмотрим, кто прав, а кто глупец. Предлагаю тотализатор, – обратился ко всем лысый парень и встал с дивана, – найдут ей пару или нет. Ставлю десять долларов, что её результаты придут с анкетой симпатичного парня.

– Это уже слишком! А меня ты спросить не забыл? – возмутилась я.

– Конечно, ты на что ставишь? – подмигнул бритоголовый.

– Значит, так! Если я узнаю, что моё имя замешано в каких-либо играх, то вам несдобровать! – сердилась я.

Вот почему все пытаются испортить мне настроение, а я не могу?!

Внутри всё кипело. Конечно, можно было бы посмеяться над идеей парня и подыграть ему. Но я всегда остро воспринимала любое лишнее внимание к своей скромной персоне. Если слова или действия человека доставляли малейший дискомфорт, то я, как ежик, начинала сопеть и выпускать иголки, а после сворачивалась в клубок.

– Всё! Вечеринка окончена! Попрошу всех покинуть данную комнату и впредь заходить только по рабочим моментам, – не сдержалась я. Спорить никто не стал. Все молча вышли. Остались Люк и Оливия.

– Что тебя так взбесило? – спросил Люк.

– Люк, не смотри на меня, как доктор психиатрической клиники на больную. Я не люблю, когда нарушается моё пространство. Вот и всё. Прости, Оливия, тебе не повезло с соседкой, – я не стала дальше распинаться и ушла в свою комнату.

Конечно, меня мучили угрызения совести, что я испортила небольшую вечеринку Оливии. Но недолго. Минут пять. А потом я погрузилась в работу. И все мои биоритмы вновь наладились.

В последующие две недели я вплотную занималась изучением работы иорданца, которую передал мне профессор. Как лингвист, парень в первую очередь обратил внимание на несхожесть структуры двух языков. Но сложность заключалась не только в этом.

Изучение русского языка для иностранного гражданина – сложное занятие, отягощенное наличием: кириллического алфавита с его особыми мягким и твердым знаками; фонетических проблем, включающих как мягкость и твердость произношения согласных звуков, так и существование шипящих звуков; особой буквы «ы», звук которой многие путают с «и»; всевозможных падежей, категорий рода, глаголов движения...

А сколько трудностей у изучающего будет с русской орфографией, с фразеологическими оборотами, с синтаксисом и пунктуацией...

В общем, не позавидуешь человеку, решившемуся на познание столь коварного языка. Но следует сказать, что в изучении арабского языка тоже много подводных камней.

Главная проблема заключается в его гибкости, изменчивости структур. Это связано с тем, что существует современный литературный арабский язык, используемый в письме и нередко в разговорах образованных арабов. Остальные – более двухсот пятидесяти миллионов человек – используют в разговорной речи измененные арабские диалекты. Всего пять основных. Но не нужно быть и лингвистом, чтобы доказать, насколько они различны между собой. Вам будет сложно найти что-то общее среди диалектов, особенно при их сравнении с современным письменным языком.

Вот поэтому мой напарник из королевской Иордании в своей работе пытался минимизировать влияние родного языка при изучении иностранного, избежать интерференции. В основе его работы лежал контрастивный подход, помогающий выявить сходства и различия между языками. Различия помогут избежать вышеуказанной интерференции – возникновение смешений норм двух языков, а сходства – аналоги, помогающие в быстром усвоении материала.

Пару недель кропотливой работы над тоненькой папочкой принесли свои плоды. Я сделала вывод, что ничего новаторского в работе парня не увидела. В основу заложены все принципы, используемые в билингвизме. И они общеизвестны и общедоступны. Я включила ноутбук, чтобы написать рецензию на работу парня, но помешал стук в дверь.

– Заходи, Оливия, – громко произнесла я.

Зная, что кроме неё вряд ли кто решится ко мне зайти. В последние дни мы с Оливией ограничивались пожеланиями хорошего дня и парой слов о душной погоде. Иногда в столовой я встречала Люка, он обычно спрашивал про мои дела и желал хорошего дня. Остальные знакомые ребята удосуживались недолгим маханием руки, но близко никто не приближался. И меня это устраивало. Может, хотелось чуть больше общения с Люком. Он располагал к себе не только, как симпатичный парень, но и интересный собеседник. Но я не решалась позвать его на прогулку или выпить кофе, и дело вовсе не в стеснении.

– Привет, – она нерешительно приоткрыла дверь. – Извини, что отвлекаю, но меня просили передать, что тебе нужно спуститься в медпункт и сдать кровь. Завтра анализы всех новичков будут отправлять в исследовательский центр.

– А это обязательно? Я не планировала, – обреченно спросила.

– Тебе следовало появиться там ещё на прошлой неделе. Но, наверное, необязательно, – девушка не стала меня уговаривать и без рассуждений покинула комнату.

– Оли, подожди, – я впервые её так назвала, – у тебя что-то случилось? Обычно твои глаза светятся ярче, чем софиты в нашей гостиной, а сегодня явно кто-то забыл включить кнопку, – я попыталась подарить ей располагающую улыбку.

– Вчера я получила результат от центра доктора Коллинза, – монотонно сказала девушка.

– И? Анкета парня была приложена? – осторожно спросила я.

– Была... – это единственное слово, которое я смогла разобрать. Дальше следовал фонетический салат из хлюпаний, нечетких звуков и истерического рыдания.

Девушка выбежала из моей комнаты, не закрыв за собой дверь. Не успела я осознать происходящее, как она вновь вбежала в комнату.

– Вот... посмотри... – она не могла успокоиться.

На фотографии был парень далеко не привлекательной внешности. Сразу вспомнилось выражение: «Мужчина должен быть чуть красивее обезьяны». У него был высокий лоб и глубоко посаженные маленькие глаза, нос картошкой, а губы и уши невозможно было не заметить, он явно в детстве их чем-то сдабривал.

– Но на фотографиях многие плохо получаются, – прозвучало не так уверенно, как требовалось.

После этих слов чуть притихшая Оливия разрыдалась заново.

Я не могла понять девушку. Вот если бы ей пришел результат с подтверждением опасной болезни, то я сочувствовала бы и, наверное, плакала вместе с ней. Но парень на фотографии

не был её приговором. Конечно, она так верила шарлатану Коллинзу, а обычно нас сильно расстраивают несбывшиеся надежды. Но всё же это не повод, чтобы так унывать.

– Оли, милая, на нём свет клином не сошёлся, – мягко произнесла я.

– У нас совместимость... семьдесят шесть процентов, – истерика не отпустила девушку, она начала давиться слезами.

– Так! Всё! Хватит! – я взяла её за руки и повела в ванную комнату.

Подойдя к раковине, включила холодную воду, чтобы немного отрезвить девушку.

– Умойся, тебе станет легче. А я пойду, приготовлю чай, – сказав, оставила соседку наедине со своим зарёванным отражением в зеркале.

Пока приготавливала всё к чаепитию, вновь наткнулась на фотографию парня и его биографические данные. Он оказался коренным французом из небольшого города на севере Франции. Продолжал дело своей семьи – небольшое фермерское хозяйство. Несмотря на то, что ему было чуть за тридцать, уже был разведен. Детей в браке не было. В своём обращении к противоположному полу написал в анкете: «Я обязательно найду тебя, прекрасная нимфа».

– Оли, он прирожденный романтик, как и ты, – сказала девушке, как только та вышла из ванной комнаты. Правда, сама не поняла зачем.

– Ты думаешь, мне надо с ним поговорить? – девушка начала мыслить более рационально.

– Почему нет? Не всем везет родиться красивыми... или хотя бы симпатичными, – виновато прозвучало.

– Я как психолог должна понимать, что главное – душа человека, а внешность это... неглавное, – теперь виновато прозвучало из уст Оливии.

– Да брось! Ты отреагировала, как любая нормальная девушка, мечтавшая о сказочном принце. В любом случае никто тебя замуж за него насильно не выдаёт. Если ты, конечно, не решишь поддержать в будущем законопроект твоих знакомых юристов, – съязвила я.

– Спасибо за поддержку.

– Не за что. Тебе чай чёрный или зелёный? – спросила я.

– Зеленый, без сахара. Спасибо.

– Я думаю, тебе стоит дождаться, когда ему отправят твою анкету. Уверена, что он сразу тебе позвонит или напишет. Тогда и выяснишь, то ли Райан Коллинз лжец, то ли любовь действительно зла. Ладно, я уже опаздываю на встречу с коллегами. А тебе нужно поспать. А уже завтра в бой! – оживленно произнесла я.

– Спасибо, Софья.

– Мне кажется, что моя совесть в шоке от количества услышанных в мой адрес благодарственных слов, – мы обе засмеялись.

Глава 4

– Софья, я очень доволен проделанной вами работой. Честно сказать, вы меня удивили, – хвалил меня Дин Вайн.

– Почему удивила? Вы же ознакомились с моим портфолио?

– Я не сомневался в вашей профессиональной пригодности. Просто вы так неодобрительно отнеслись к открытию доктора Коллинза, я думал, вы неохотно будете выполнять свою работу.

– Где генетика, а где филология!

– Всё верно. Вы не говорили ни с кем из генетиков? Ваше мнение не изменилось?

– Я уже замучила их своими вопросами. Думаю, меня скоро начнут избегать. Но что касается технических деталей, то тут всё сложно. Вроде бы пытаются объяснить как можно проще, но я всё равно не могу понять до конца весь механизм считывания информации с молекул ДНК. И тем более синтез чужеродных молекул, – надеялась, что профессор подскажет, как во всём разобраться.

– О-о-о, я и не пытался вникать в это! – засмеялся Дин Вайн.

– Жаль, – подытожила я. – Сегодня вечером отправлю на вашу почту свою рецензию на работу иорданца. И начну вносить изменения на своё усмотрение.

– Да, договорились. Возникающие вопросы тоже отправляйте мне на электронную почту, – он протянул свою визитку с указанием мобильного телефона и электронной почты. – Две недели достаточно?

– Вполне, – коротко ответила я.

В предвкушении интересной работы незамедлительно отправилась в общежитие за ноутбуком. Я планировала взять его с собой в библиотеку. Мне требовалась справочная литература, которую нельзя было найти на просторах интернета.

Поднявшись на свой этаж, я заметила женщину в белом халате, настойчиво стучащую в нашу с Оливией дверь. Видимо, соседки не было дома, так как дверь никто не открывал.

Это точно с медпункта! За моей кровью! И что же делать?!

Я остановилась, обдумывая план побега. И согласилась с первым, что пришло в голову, – пойти в столовую, тем более время обеда уже подошло. Поэтому, резко развернувшись, направилась обратно в сторону лестницы.

– Девушка! – в спину крикнули мне. – Девушка, подождите!

Мне бы только до лестницы дойти, а там можно и пробежаться немного.

– Стойте же! – услышала громкий взвизг.

Всё же пришлось остановиться. Выдохнула и повернулась лицом к этой крикливой даме.

– Простите, это вы мне? – постаралась как ни в чем не бывало улыбнуться и не показать своего расстройства оттого, что не получилось осуществить план побега.

– Вам! Вы что задумались и не слышали меня? – с подозрением спрашивала медсестра.

– Знаете, постоянный мыслительный процесс вырывает из действительности.

– Милая, надо жить в реальном мире, а не в своих фантазиях! – невежливо заявила она.

– Начнём с того, что я вам не «милая», и учить меня, как жить, не надо! – я тоже не из робких. – Что вы хотели от меня?

Женщина недовольно хмыкнула.

– Я ищу... – медсестра посмотрела на маленький листок в руках и начала читать по слогам мою фамилию, – Ра... зумов...

– Разумовскую Софью?

– Вы знаете её? – облегченно спросила она.

– Это я.

- А почему я за тобой бегаю уже целую неделю? – неожиданный взвизг резанул слух.
- Я не могу этого знать. Только сегодня утром моя соседка передала, что вы ищете меня. Я вот собиралась на обед, а потом зайти к вам, – нагло врала я.
- Надо было ознакомиться с графиком работы! Мой рабочий день уже закончен! Но приказ начальства, чтобы все задействованные в проекте сдали кровь.
- Так давайте не будем тратить время друг друга на пустой разговор, – предложила я, понимая, что всё равно не получится избежать сдачи крови.
- Пойдём, – прошипела она.
- После нежеланной процедуры я направилась в столовую и по дороге встретила Люка.
- Привет, ты чего один? – спросила я.
- Привет, все работают. А я бездельничаю, – парень явно был чем-то расстроен. Возможно, ему, как и Оливии, прислали анкету непривлекательной девушки.
- Ты получил ответ от центра? – как бы невзначай спросила я.
- Да, получил...
- Ты можешь со мной поделиться, я уже сегодня одного психолога успокаивала. Глядишь, к концу стажировки сменю профессию, – я ободряюще подмигнула Люку.
- Спасибо за заботу, но даже не знаю, кому больше повезло – Оли или мне.
- Тебе тоже прислали анкету мужчины нескладной внешности? – сморщилась я.
- Что? Нет, конечно. Возможны совместимости только противоположных полов.
- Знаешь, ЛГБТ-движение может и в суд подать за такую дискриминацию. А, насколько мне известно, США легализовали однополые браки во всех штатах.
- Стоп, Софья! Забудь про однополые браки! Мне вообще не прислали анкету, – с обидой произнес он. – Указали, что ближайшая совместимость только двадцать процентов.
- И всего-то! Согласись, что это намного лучше анкеты бородатого дядьки! – пыталась немного развеселить Люка.
- Безусловно! Ты что будешь? – он указал на список меню в столовой.
- Обедали мы молча, как и положено. Но всё же я не выдержала.
- Люк, скажи мне, что ты не из-за этого пустякового теста расстраиваешься.
- Всё нормально... будет завтра, а сегодня дай мне немного погрустить.
- Вы точно ненормальные.
- Я просто не хочу, чтобы через полгода мне прислали анкету какой-нибудь корейки.
- Так...
- Я знаю, что она тоже женщина и всё прочее. Давай оставим этот разговор, – прервал меня парень.
- Люк, на земле живет около восьми миллиардов человек, а в тестировании по методу Коллинза участвует чуть больше двухсот пятидесяти миллионов. С какой вероятностью тебе пришлют анкету самого подходящего партнёра? Всё верно, с минимальной! Ещё вернее, с самой ничтожной. А может, твой человек и вовсе ещё не родился! И переживать по этому поводу, по-моему, абсурдно.
- Ты права, но для меня это было важно с профессиональной точки зрения. Я должен буду помогать людям, найти общий язык и принять друг друга, какими они есть. Ты сама видела реакцию Оливии, и таких неизбежных случаев будут миллионы.
- Я думаю, таких горемык будет много в нашей исследовательской группе. Вот тебе проблемное поле для изучения. Одна Оливия чего стоит.
- Спасибо, Софья. Кажется, психология в твоём лице потеряла хорошего психоаналитика, – сказал он с искренней улыбкой. На мгновение я даже засмотрелась и вновь поймала себя на мысли, что Люк весьма привлекателен. Его улыбка и открытый взгляд располагают. И то, как он смотрит, говорит...

Нет, всё равно не понимаю, почему этот парень притягивает моё пристальное внимание к себе. На моём жизненном пути он не единственный с обаятельной внешностью и развитым интеллектом.

– Софья? – парень хитро прищурился.

– Прости, задумалась над твоими словами, – постепенно ложь входила в мою обыденность. – Ладно, мне нужно работать. И тебе советую без дела не сидеть.

В тот день я всё-таки планировала дойти до библиотеки, поэтому вновь отправилась в общежитие за ноутбуком. Благо больше ничего не должно было отвлечь меня от работы. По крайней мере, я так думала.

Не успела снять обувь в прихожей, как соседка схватила меня в объятия.

– Хорошо, что ты пришла, – жалобный взгляд Оливии не сулил ничего хорошего.

– Что случилось?

– Кажется, он уже получил мою анкету. И теперь названивает мне по видеосвязи, уже три пропущенных вызова с незнакомого номера.

– Может, это не он? Разве уже сорок восемь часов прошло?

– Я читала, что они не всегда пунктуальны.

– Значит, ответь ему, – посоветовала я соседке и направилась в свою комнату.

– Я... немного боюсь, – запинаясь, сказала она.

– Человек, закончивший Сорбонну с отличием, боится фермера?

– Девушка боится знакомства с потенциальным женихом. Что если я не смогу скрыть своего разочарования в нём и обижу тем самым?

– Или ты боишься разочароваться в докторе Коллинзе, – предположила я.

– Да, всё сложно, – подытожила Оли. И неожиданно вскрикнула: – Опять он звонит.

– Дай посмотрю номер, – протянула руку к её телефону, а она, не замечая подвоха, доверительно передала его мне.

Не раздумывая, я нажала на кнопку принятия вызова. Пытаясь не выдать свои действия, всматривалась в экран, будто изучая незнакомые цифры. Сразу же появилась картинка. Но, видимо, не успело настроиться быстрое и стабильное сетевое подключение, поэтому вначале увидела мужчину в замедленной съёмке. Но с каждой секундой качество видео улучшалось.

– Перестал звонить? – поинтересовалась Оливия. В ответ ей кивнула головой. Но девушка явно заподозрила неладное. – Софья, что ты делаешь?

– Здравствуйте, мадемуазель, мне нужна Оливия Ламбер, – заговорил мужчина на французском языке. Мне не пришлось гадать, суженый ли это Оли или нет. Его неординарную внешность невозможно было спутать. Но голос мужчины оказался гармоничным, в меру спокойным. Мой слабый французский всё же позволил ответить.

– Добрый день, месье. Я ассистент доктора Оливии Ламбер. На данный момент она занята. Я могу ей что-нибудь передать?

– Софья, что ты наделала? – пискнула соседка, зажав рот рукой.

Мужчина, находящийся по ту сторону атлантического океана, долго всматривался в экран телефона, либо опять упала скорость соединения.

– Передайте ей, что звонил Себастьян Ребель, – что он говорил дальше, я не смогла разобрать. Подвело знание языка и низкая скорость интернета. Наш разговор прервался. Я выключила телефон и посмотрела на побелевшую соседку.

– Вот видишь, не всё так страшно. Оливия Ребель, кстати, звучит, – подмигнула ей и наконец-то направилась в свою комнату за ноутбуком.

Порой меня удивляет, как умело люди в своей голове создают несуществующие страхи, мешающие жить им полной жизнью. Они загоняют себя в дальний угол, боясь сделать лишний шаг из зоны своего комфорта. А страхи, как известно, имеют свойство сбываться. Получается, что никто другой, а именно человек своими мыслями привлекает в реальную жизнь негативные

ситуации. Конечно, не малую роль чувство страха играет в спасении от бездумных поступков. Но всё же чаще мы со своими нереальными страхами боремся один на один. Вернее, человек сам себе придумывает фобию, растит её и выходит на тропу войны. Это сражение в первую очередь с самим собой. Существует много рецептов избавления от различных боязней. У меня один – делай то, чего боишься. В пределах разумного, конечно.

Глава 5

– Оливия, просыпайся. Ты опоздаешь на совещание, – будила я соседку.
– Ещё пять минут... – шептала Оли, продолжая нежиться в кровати.
– Твои «пять минут» были полчаса назад. Опять до поздней ночи болтали?
– Да, в начале четвертого только попрощались, – девушка наконец-то открыла глаза и приподнялась на локтях. Её кожа и растрёпанные волосы сливались с белым постельным бельём, выделялись только светящиеся влюблённые глаза и розовый отпечаток на лице от подушки.

– Чем на этот раз тебя заинтересовал Себастьян?
– Знаешь, – девушка мечтательно прикрыла глаза и улыбнулась, – он особенный.
– Многословно, – ухмыльнулась я. А она продолжала витать в своих мыслях.
– Оливия... Оли... – я дождалась, пока девушка обратит на меня внимание, – у тебя на сборы пятнадцать минут.

И тут началось самое забавное. Осознав, что она опаздывает на совещание, на котором должен присутствовать сам Райан Коллинз, девушка, запутавшись в одеяле, с истерическим криком свалилась с кровати, но, быстро освободившись, кинулась к ванной комнате. Я же спокойно сварила кофе для нас двоих и ждала появления соседки.

– Срочно... что мне надеть, Софа? – выбежала она из своей комнаты.
– Любой деловой костюм, – протянула я, делая глоток крепкого кофе.
– Кстати, на следующей неделе Себастьян прилетит в штаты, – протараторила Оливия, натягивая светлые брюки.

– Вы знакомы всего семь дней, не рано ли для личной встречи? Тебе осталось чуть меньше двух месяцев стажировки. Вернётся на родину, там и встретитесь.

– Если бы я ощущала дискомфорт в общении с ним, то помедлила бы. Понимаешь, мы влюблены друг в друга. И хотим, чтобы все знали, что тестирование на совместимость по методу Коллинза работает. Мы решили снять видеообращение ко всем, кто ещё не присоединился к проекту. Так делают все, кто нашёл свою пару благодаря...

– Доктору Коллинзу, – сказала вместо неё. – И даже внешность Себастьяна тебя не смущает?

– Ты была права, он просто плохо получается на фото. Так он намного симпатичнее.
Серьёзно? Теперь я понимаю смысл выражения «смотреть через розовые очки».
– Всё, я убежала. Спасибо за кофе, – сделав один глоток из кружки, Оливия в прямом смысле слова убежала.

Встреча доктора Коллинза с группой филологов была назначена на следующий день. Но, к счастью или сожалению, меня данная участь не постигла.

После того, как влюблённая Оливия покинула апартаменты, я решила поработать дома. Зная, что до обеда её не будет.

Меня отвлек стук в дверь.

Неужели Оливия что-то забыла?

На пороге оказалась уже знакомая мне медсестра.

– Здравствуй, Софи. Мне звонили из Нью-Йоркского центра доктора Коллинза, просили передать, что тебе лично надо явиться за результатом завтра в одиннадцать утра. Адрес, надеюсь, сможешь узнать без моей помощи, – высокомерно заявила она.

Я решила не придираться к тому, как она произнесла моё имя. Не знаю почему, но мне всегда не нравилось, когда его склоняют на иностранный манер.

– Почему всем высылают бумажное письмо и дублируют электронным, а я должна сама забирать? И, вообще, прошло чуть больше недели после сдачи крови, для результатов ещё рано. Разве я не права? – спокойно спросила я, но внутри зарождалось раздражение.

– Значит, у них возникла такая необходимость. Мне некогда с тобой тут болтать, – женщина, не прощаясь, повернулась ко мне спиной и направилась в сторону лестницы.

– Замечательно, – еле слышно произнесла я, хлопнув дверью.

Может, я первый гражданин из России, прошедший тестирование на совместимость, и меня лично хотят поприветствовать? Нет, русских уже достаточно в базе. А что, если нашли серьёзное отклонение в генетических кодах, редкое заболевание какое-нибудь. Сомневаюсь, что им есть до этого дело. Что тогда?

Не найдя разумного ответа в своей голове, решила поискать нужную информацию во Всемирной паутине. Удивительно, но и всезнающий интернет не подсказал ничего разумного.

Уже вечером с Оливией мы пытались через людей в группе узнать возможную причину личного вызова. Но все лишь пожимали плечами. Позже к нам присоединился Люк.

– Ладно, не вижу смысла гадать на кофейной гуще. Идите, отдохайте, завтра всё станет известно, – пыталась успокоить ребят, так как по внешнему виду можно было подумать, что это им завтра ехать в центр, а не мне.

– Давай я поеду с тобой, – предложил Люк.

– Люк, меня же не на допрос вызывают. Я уже большая девочка и всегда самостоятельно справляюсь со всеми дилеммами. Тем более ещё непонятно, есть ли проблема или нет.

– Незнание пугает, – к чему-то сказала Оливия.

И это говорит мне психолог?

– Я не испугалась. Просто неординарность ситуации смущает.

– Получается, что тебе придётся пропустить встречу с Коллинзом? – уточняет Люк.

– Это самое наименьшее, что напрягает во всей этой ситуации, – с сарказмом в голосе ответила я.

– На самом деле после личного знакомства, я уверена, ты изменила бы своё мнение. Он удивительный...

– Оливия, извини, но у тебя сейчас все и всё удивительное, особенное, потрясающее, – прервала соседку.

– Что в этом плохого? – с обидой в голосе спросила она.

– Всё хорошо. Тебя наверняка уже Себастьян потерял, – с улыбкой заметила я.

Девушка театрально закатила глаза, отправила нам пару воздушных поцелуев и удалилась в свою комнату.

– Ты когда-нибудь влюблялась? – неожиданно спросил Люк.

– Вряд ли, – расплывчато ответила я, не решившись сказать, что абсолютно точно ни разу ни в кого не влюблялась. Да и не до этого было. Одновременная потеря двух близких мне людей поселила в душе холод и безразличие. А учёба помогала забыть о жестокой действительности. У меня был тот возраст, когда девушке больше всего нужна мама, которая поможет принять свою женственность и придать уверенности в себе. Дедушка не мог понять мои нужды, да и он сам был в растерянности. За работу хватался, как за спасательный круг. Вот так мы и жили вдвоём, будучи совсем одинокими.

Конечно, у меня был непродолжительный роман с однокурсником. И то, в качестве пяти-месячного эксперимента. Но ни он, ни я не впечатлились нашим сближением. Всё было спокойно, рассудительно и без чувств. Но познавательно. Вот и весь мой багаж любовных отношений к двадцати двум годам.

– А ты? – поинтересовалась в ответ.

– Наверняка нет...

– Наверное, глупо спрашивать почему?

Парень подошёл ко мне ближе, нас разделял один шаг. Он немного выше меня, поэтому пришлось чуть вскинуть подбородок, чтобы заглянуть в его глаза.

Какого они цвета?

– Серо-голубые, – отчетливо вслух произнесла я.

– Карие, как горький шоколад, – в ответ сказал парень.

От его вкрадчивого голоса по телу побежали мурашки, на мгновение перехватило дыхание. Молчание затянулось.

– Мне завтра рано вставать. Доброй ночи, Люк, – обрывисто произнесла и, приняв открытую улыбку парня за прощание, направилась в свою комнату.

А кто дверь будет закрывать? А, Софья Павловна? Дедушка явно был бы недоволен моим поведением. И, вообще, почему так реагирую на этого парня? Ничего, осталось потерпеть два месяца, и вернусь в свой привычный мир. Одинокий и бесстрастный. Но меня это устраивает. Или нет?

Утро следующего дня началось, как обычно в последнее время. Оливия отказывалась просыпаться и идти на ежедневное совещание психологов, а я причитала, что их постоянные ночные разговоры с Себастьяном до хорошего не доведут. У неё и так накопилось немалое количество долгов по работе. Недалеко было до досрочного окончания стажировки.

– Софа, я в любом случае ни о чём не пожалею. Уверена, что судьба не просто так помогла мне пройти квалификационный тест на стажировку в штаты и участвовать в проекте доктора Коллинза. Всё свелось к самому важному событию в моей жизни, знакомстве с ним, – воодушевлённо говорила соседка.

– Я, конечно, рада за тебя. Но не стоит сразу кидаться в омут с головой или в твоём случае в любовь, – до сих пор не могла принять тот факт, что Оливия так легко влюбилась. Иногда мне казалось, что её фанатизм и поклонение перед доктором Коллинзом сыграли основную роль в быстром сближении с незнакомым человеком. Она мечтательная, мнительная натура, которая сама себя убедила в полной совместимости с фермером.

– Ты успеешь к одиннадцати? – перевела она тему. До назначенного времени оставалось сорок минут. А по моим расчётам я должна была добраться на такси за двадцать, при условии, что поймаю его за пять минут.

– Надеюсь, что нет, – скупно улыбнулась я. – Насколько мне известно, в Нью-Йорке нет проблем с такси. Вот и проверим!

Оливия усмехнулась и пожелала мне удачи. А именно, чтобы мне нашли совместимого партнёра с процентом выше девяноста. По её мнению, тогда уже она будет меня подкалывать и смеяться над глупым влюблённым видом. Я не стала комментировать её пожелание. Но сама задумалась, а что если мне действительно подобрали пару? Как мне себя вести с ним? Всю дорогу до центра я постоянно прокручивала различные сценарии, но так и не смогла прийти к единому мнению.

Глава 6

Исследовательский центр генетической совместимости доктора Райана Коллинза находился в одной из высоток недалеко от Центрального парка. На официальном сайте было указано, что по всем вопросам и для сдачи крови нужно подниматься на двадцать второй этаж. Так я и сделала.

На выходе из лифта заметила стойку с информацией, рядом стояла девушка и что-то вежливо объясняла плакавшей женщине. Я подошла ближе и стала ждать, пока их непростая беседа закончится. Молодая сотрудница, заметив меня, приветственно улыбнулась и сказала:

– Одну минуту, пожалуйста.

Не теряя времени, я решила осмотреться. Холл центра был большим, но ничего примечательного: белые стены, красная мебель. По центру, конечно же, располагалась стойка регистрации. По обе стороны от неё тянулись два длинных коридора. И если один из них пустой, то во втором толпились люди, не менее тридцати человек. В основном молодые девушки и парни.

– Мисс, могу чем-нибудь вам помочь? – обратилась ко мне сотрудница центра. Я не сразу обратила на неё внимание, так как взгляд зацепился за уходящую женщину, с которой только что разговаривала эта девушка. Она была чем-то расстроена, даже слишком.

Что в этом заведении может так расстроить? Тем более ей явно больше пятидесяти. Может, она узнала, что прожила в долгом браке с мужчиной, совсем не подходящим ей по генетической совместимости?

Мне было очень любопытно, но я сдержалась и не стала задавать наводящих вопросов молодой сотруднице.

– Да, спасибо. Меня зовут Разумовская Софья. Меня зачем-то вызвали в центр сегодня к одиннадцати, – я посмотрела на огромные часы над стойкой регистрации, было ровно одиннадцать утра.

– Сейчас посмотрим, – девушка, не прекращая улыбаться, быстро водила рукой по экрану планшета. Неожиданно улыбка исчезла, она нахмурилась и с растерянностью посмотрела на меня, что в свою очередь заставило напрячься меня. – Пройдёмте за мной.

– Вы не скажите в чём именно причина? Мне уже стоит переживать? – хотя я и так уже волновалась.

– Вам сейчас всё расскажут, будьте спокойны.

После твоих слов ещё страшнее стало.

Всегда так говорят, когда существует действительно серьёзная проблема. Помню, когда мы приехали с бабушкой в больницу, в которую привезли маму с бабушкой после аварии, первое, что услышали от врача: «Вы только не волнуйтесь». А потом... мой мир рухнул.

Девушка завела меня в небольшой кабинет, в котором кроме круглого стола и стульев ничего не было. Указав мне на стул во главе стола, она включила внутреннее освещение и принялась опускать жалюзи.

– Через пару минут к вам подойдут, – она вскользь посмотрела на меня, даже не улыбнувшись, и ушла.

– Только не нервничай, – в полголоса успокаивала сама себя, так как от сложившейся обстановки у меня начали неметь кончики пальцев. Эта особенность тоже появилась после смерти мамы и бабушки, и проявлялась, когда начинала сильно тревожиться.

Но меня не заставили долго ждать. Буквально через пару минут в кабинет зашёл мужчина лет тридцати пяти. Он был серьёзен, в строгом деловом костюме и с тонкой бумажной папкой.

– Софья Разумовская? – негромко, но внятно спросил он.

– Всё верно, – ещё тише ответила я.

– Меня зовут Роберт Фоуз. Я агент ФБР, отдел национальной безопасности, – он показал мне свой жетон и удостоверение, держа его открытым, пока я не отвела взгляд. И только потом сел через два стула от меня.

– Чем могу помочь? – насторожившись, спросила. Вроде бы я не успела нарушить ничью безопасность.

Мужчина внимательно изучил моё лицо, потом обратил внимание на руки. Я медленно растирала кончики пальцев. Затем направил свой тяжёлый взгляд прямо в мои глаза.

– Как вам стажировка в Нью-Йорке? – не разрывая зрительного контакта, спросил агент.

– До сегодняшнего дня меня всё устраивало, – сказала я правду.

– Моё появление не связано именно с вами. Можете не беспокоиться, – он взглядом вновь опустился к моим рукам. – Вы планируете задержаться в Нью-Йорке по окончании практики?

– Нет, я собираюсь сразу же вернуться домой. Давайте без вводных фраз, – не выдержала я.

– Вначале вам надо подписать вот этот документ. В нём говорится, что всё сказанное в этой комнате останется здесь. Никто не должен знать о нашем разговоре. В противном случае вас ждёт суд и наказание в виде лишения свободы, – безэмоционально говорил мужчина, а я, пребывая в лёгком оцепенении, начала читать текст. И минут через пять поставила свою подпись. – Отлично. В этой папке информация о мужчине, с которым у вас совместимость девяносто один процент, – он протянул её мне.

Я осторожно пододвинула папку к себе и открыла. На первой странице фотография мужчины: короткие тёмно-русые волосы, выделяющиеся зелёные глаза, правильные черты лица. Красивый, но лицо не запоминающееся.

– Девушкам нравится такой типаж мужчин, – к чему-то сказал агент, вырывая меня из своих мыслей. Видимо, я слишком долго рассматривала портрет.

– Он преступник? – спросила напрямую и не стала знакомиться с информацией на других листах. Просто так ФБР не интересовалось бы им.

– Вы умеете задавать правильные вопросы, Софья. Это Влад Беркутов. Он гражданин России. Числится в российском посольстве Нью-Йорка помощником главного адвоката, но появляется там очень редко. В последнее время мы стали замечать тенденцию, где Беркутов, там и слив секретной государственной информации. Мы подозреваем его в шпионаже. Но прямых доказательств у нас нет. Пока нет.

– Получается он преступник для вашей страны, а для нашей герой. Ваши агенты ЦРУ тоже едут к нам не за тулупами, – обвинительно произнесла я.

Я никогда особо не разбиралась в работе разведчиков, но в прошлом году с дедушкой посмотрела цикл программ, посвященных этой нелегкой работе. Так что хоть немного, но смыслила в этой теме.

– Буду откровенен. Мы хотим просить вас о помощи. Мы уже пробовали наших женщин-агентов свести с ним, но всё безуспешно. Он будто чувствует подвох. Наши психологи уверены, что нужна женщина его национальности и типажа, который его привлекает. Вы в этом смысле подходите идеально, да и ещё такая совместимость. Предполагаю, что он влюбится в вас с первого взгляда.

– Серьёзно? ФБР тоже верит в открытие Коллинза? – не верилось мне.

Агент позволил себе легкую усмешку.

– Вы правы, мы не надеемся на вашу генетическую совместимость. Мой опыт показывает, что правильная мотивация завербованного – лучшее средство в успешном продвижении дела.

– Получается, вы хотите меня завербовать? – ужаснулась я.

– Мы предлагаем вам стать нашим информатором, – уверенно произнёс агент.

– Информатор? Я? – вот такого поворота событий я точно не ожидала.

– Вы умная, красивая, ответственная девушка. Почему нет? Мы обеспечим вам продление работы в университете ещё на год. Но уже не в качестве стажёра, а научного сотрудника с повышенным окладом. На территории университетского кампуса есть общежитие для сотрудников. Для вас будут подготовлены двухкомнатные апартаменты, за которые не придётся платить. И если полученная информация будет весьма ценной, вы к тому же получите достойное финансовое вознаграждение. Мы уважаем труд людей. И, конечно, будем помогать на каждом этапе дела, и, закончив, вы выйдете победителем. Если захотите, мы поможем остаться в этой стране на постоянное место жительства.

Услышанное заставило призадуматься. Дедушка, наверняка, сейчас бы вспомнил свою любимую поговорку: «Мягко стелет, да жёстко спать». И я бы с ним полностью согласилась. Поэтому следовало тактично, но в то же время ясно дать понять, что ни при каких условиях работать на них не буду.

– Знаете, Роберт, думаю не смогу вам ничем помочь. Я действительно умная девушка, но только в своей профессиональной сфере. Скажем, у меня узкая направленность. Я не подхожу для предложенной вами работы, у меня нет особых навыков. Да и не готова сблизиться с малознакомым мужчиной ради подобных привилегий, – я говорила неторопливо и расслабленно, но не смогла не добавить ложку дёгтя, – тем более я не буду работать против своей страны. Никогда.

– Мы не знаем наверняка, работает ли он на правительство или на влиятельного человека. Не знаем также, с какой целью они будут использовать полученную информацию. Лично мне не верится, что с пользой для других, – настаивал он.

– Небольшая разница между правительством и влиятельным человеком. Повторюсь, я не хочу быть пешкой в чужой игре, ни за какие награды.

– Мои люди оценивали вас более беспринципной.

– Они ошиблись, можете сделать им выговор, – дерзила я, видимо, так сказались утреннее напряжение.

– Да, вы правы. Им следовало бы найти другой способ привлечения вас к работе, – он говорил всё также безэмоционально, но глаза были наполнены яростью, от которой непроизвольно я вжалась в спинку стула. Но всё же старалась выглядеть уверенной в своём выборе.

– Почему я заметила нотки угрозы в ваших словах? Или мне показалось?

– Мы не каждому предлагаем сотрудничество, вы просто не осознаёте...

– Вы хотите сказать, что делаете мне одолжение, предлагая такую работу? – нагло прервала речь агента.

– Разве вы не хотите внести разнообразие в свою унылую жизнь? – Роберт провоцировал меня, вместо того, чтобы вежливо уговаривать.

Может, он уже понял, что ему ничего не светит, и пытается просто запугать?

– Вы ничего не знаете о моей жизни. Несомненно, ваши люди смогли собрать полную биографию, но, что у меня в душе, они точно не знают... я думаю, наш разговор зашёл в тупик, – быстрее захотелось покинуть кабинет, пока агент не прожёт меня глазами в приступе ярости.

– Вы уверены в своём решении? – он надменно вскинул подбородок.

– Ему отправили мою анкету? – я не собиралась отвечать на вопрос Роберта.

– Да, сегодня утром. Письмо в ваш адрес наши люди удалили. Там ничего интересного и правдивого.

– Прощайте, агент Роберт Фоуз, – не стала дожидаться разрешения и направилась в сторону выхода.

– Ещё увидимся, – кинул мне в спину мужчина.

От его стального голоса стало не по себе, лёгкий морозец пробежал по всему телу. Но я гордо подняла голову выше и направилась в сторону лифта. В холле меня поймала уже знакомая сотрудница и начала задавать вопросы.

– Софья, всё прошло хорошо? – интересовалась девушка.

– Какое ваше дело? – бросила ей.

Наверняка уже весь центр гадал, почему сюда вызвали русскую на встречу с работником ФБР.

– Извините, я не хотела показаться бестактной. Просто это моя работа – спрашивать у каждого, как всё прошло, независимо от причины посещения центра.

Нервно выдохнув, я всё же ответила ей:

– И вы меня извините. На самом деле всё прошло... хорошо, – слегка улыбнувшись, хотела попроситься, но моё любопытство победило: – Простите, я понимаю, что это не моё дело, но сегодня, когда я зашла в центр, вы беседовали с женщиной, чем-то очень расстроенной... – я подбирала слова, чтобы корректно влезть в местные сплетни, но мне не потребовалось долго ломать голову.

– Ах, да! Я поняла, про кого вы, и даже могу рассказать, ничего секретного в этом нет. Она приходила нас поблагодарить и передать подарок доктору Коллинзу. Видите ли, в штатах можно бесплатно пройти тестирование на генетическую совместимость всем, кто достиг шестидесяти лет. Многие лично сюда не приходят, а во время ежегодного обследования передают образец крови к нам через медицинские клиники. Так сделала и Хелен. И Харвард. Ни один из них никогда не был обручен, даже детей нет. И вот судьба преподнесла им подарок – они нашли друг друга. У них совместимость была под девяносто, – восторженно говорила девушка, но в глазах читалась скорбь. – К сожалению, счастье их было недолгим, всего семь месяцев. На прошлой неделе Харвард умер, ему было шестьдесят четыре года. К этому возрасту накопилось много хронических заболеваний. Врачи говорят, что сердце не выдержало. Он умер во сне. Вот Хелен и благодарилась, хоть за такую и короткую, но всё же настоящую любовь, – глаза девушки заблестели от слёз, она искренне прониклась к беде Хелен.

– Если бы она с ним не познакомилась, то не узнала, что такое настоящие чувства. Но зато не было бы так больно сейчас, – рассуждала вслух я. Чужая боль потери была близка, но слёзы и не собирались появляться. Даже на похоронах мамы и бабушки меня всю трясло и колотило, но я не проронила ни единой слезы.

– Я спросила у неё об этом же. Думаю, вы догадываетесь, что она ответила, – на мой положительный кивок головой, девушка продолжила: – Нам с вами повезло. Мы ещё молоды и благодаря открытию генетической совместимости можем встретить свою истинную пару.

Я не стала с ней спорить. Так как была уверена, что в стенах этого заведения все помешаны на генетическом поиске, и упаси меня усомниться в работе Коллинза. Думаю, без волос бы точно ушла, если бы вообще выжила.

Конечно, моя открытая неприязнь к исследованию стала сбавлять обороты. Равнодушие – вот какой отклик в душе вызывало у меня сенсационное открытие. Больше я ни с кем не собиралась обсуждать его и тем более спорить. Но надеялась, что законодатели останутся в стороне и никаких законов о браке и процентах совместимости принято не будет.

По дороге назад я обдумывала, что следует сказать ребятам, чтобы это было и правдоподобно, и не вызывало лишних вопросов. И ещё постоянно пыталась воссоздать облик Влада Беркутова, но только зелёные глаза всплывали в памяти.

Интересно мы увидимся когда-нибудь? Нет, не об этом нужно думать! Пора серьёзно взяться за работу, осталось всего пять дней до сдачи обновленной методички, а я ещё не все вопросы проработала.

Я помотала головой, отгоняя ненужные мысли.

Дома меня встречала дружная команда поддержки в лице Оливии, Люка, двух сестёр-близняшек и лысого парня, который в прошлом собирался устроить тотализатор на мою совместимость с кем-либо.

– Ого, а что за несанкционированный сбор? – начала говорить из прихожей.

– Как всё прошло? – навстречу вышла Оливия с встревоженным взглядом.

– Отлично, – коротко ответила я. Пройдя в гостиную, провела взглядом по всем присутствующим. В их напряженных глазах читалось любопытство. Только Оливия и Люк обеспокоенно смотрели на меня.

– Тебе нашли совместимого партнёра? – осторожно спросил Люк. Спроси кто-нибудь другой, я так не смутилась бы. И, думаю, это заметили все.

– Да, нашли. У нас совместимость девяносто один процент...

– Круто! Я так и знал, что такую красивую девушку не оставят без принца, – восторженно произнёс лысый парень. Любопытство в глазах присутствующих спало, но появилось удивление. Абсолютно все с недопониманием смотрели на лысика. Но в отличие от меня он ни капли не смутился. – А что я такого сказал? Характер у неё паршивый, а внешность-то...

– Неужели? – воскликнула я и сложила руки на груди. У остальных брови поползли вверх.

– Я думал, тебе нравится прямолинейность? – опять без доли стеснения спросил парень.

– А вам не пора всем на обед? – тонко намекнула, что больше не желаю ни с кем разговаривать. Резко развернувшись, направилась в свою комнату. Все начали шептаться, кажется, они выговаривали своё недовольство лысику.

Конечно, я понимала, что Оливия и Люк не уйдут. Поэтому, услышав, как хлопнула входная дверь, вышла в зал. Люк сидел на диване, грустно свесив голову, а Оли делала чай.

Интересно, это он так расстроился из-за моей новости? Может ли это значить, что он тоже чувствует легкое притяжение между нами?

– Ребята, на самом деле не всё так просто, – начала я, поймав две пары внимательных глаз.

– Мне и правда нашли принца, – усмехнулась в предвкушении лжи, – но он не доверяет открытию Коллинза, так же, как и я. Помимо всего прочего, у него серьёзная правительственная работа. Он не может позволить себе долгих отношений с женщинами, лишь короткие встречи. Поэтому мы решили аннулировать свои анкеты в базе центра и больше никогда не встречаться.

Молчание затянулось. Оливия тяжело вздохнула, и слезы набежали на её глаза. В такой реакции соседки я не сомневалась. А вот Люк...

Парень встал с дивана, взял кружку с чаем, отпил пару глотков и затем спросил:

– Он единственный, кто тебе подошёл?

– Да, к счастью.

– Хорошо, – он наклонил голову в бок и подмигнул: – Мне надо работать. До вечера, девочки.

– Что именно его порадовало? – спросила Оли после того, как он ушёл.

– Не могу знать. Ты же у нас эксперт по мужчинам.

– Ты потом не пожалеешь?

– Ты про принца? – она в ответ кивнула. – Нет, Оливия. В жизни есть вещи важнее любовных отношений, тем более я не отказываюсь от них совсем, а просто хочу сделать выбор сама. И даже если ошибусь, буду сама за всё расплачиваться.

– В том-то и дело, что вас ни к чему не обязывают и...

– Оли, пожалуйста, давай закроем эту тему. Я рада, что у вас с Себастьяном всё хорошо складывается. Но у меня будет другой путь.

– Да, прости. Вот только... можно ещё один вопрос?

– Какой? – я обреченно вздохнула.

– Он красивый?

– Нет, абсолютно, – задумавшись, ответила я. На что соседка недовольно хмыкнула и ушла к себе в комнату.

А я вновь вспомнила зелёные глаза, и ещё, мне казалось, что у Беркутова были смеющиеся ямочки на щеках. На фотографии он слегка улыбался... или нет, не улыбался.

Где я тогда увидела ямочки на щеках?

Глава 7

Оставался один день до сдачи моего письменного отчёта о проделанной работе за месяц. Такой срок ушёл у меня на внесение поправок и собственных предложений в уже готовую методичку иорданца. Я её усовершенствовала насколько могла. Хотя в глубине души надеялась, что пользоваться ею будут редко. А если и будут, то она поможет не только быстро выучить чужой язык, но и понимать его глубокий смысл, и даже незнакомый уклад жизни.

На последней встрече мой руководитель – Дин Вайн порадовал статистикой генетической совместимости между представителями России и арабского мира. Случаев немного, но, к моему сожалению, они все переросли в законный брак. Смущало только то, что во всех парах девушка – русская, а мужчина – араб. И ни одного случая наоборот. На что одна из моих коллег объяснила это так: «Русская девушка согласится принять ислам, а мусульманка никогда не променяет своей веры, для неё это тяжкий грех. Поэтому Бог отводит женщин арабского мира от столь безнравственного поступка».

Я не стала с ней спорить. Просто указала на то, что в исследовании главный Коллинз и его соратники, и вряд ли Бог следит за их работой. Тем более они могли специально умалчивать некоторые совместимости, чтобы не обречь себя на мировой скандал и прочие негативные последствия. Политика везде пускает свои корни. Удивительно, но никто не стал вступать со мной в полемику.

Накануне того дня, поздно вечером я подготавливала презентацию для коллег по своей работе. Многие должны были сделать подобные методички только для других языковых групп. Поэтому Дин Вайн попросил меня поделиться своими секретами. Я бы закончила ещё пару часов назад, если бы Оливия постоянно не отвлекала. Она готовилась к встрече с Себастьяном, он прилетал утром.

– Как думаешь, какое платье лучше надеть? Красное или белое, – соседка уже без стука вошла в мою комнату, демонстрируя свои наряды.

– Красное, – не отрываясь от монитора своего ноутбука, коротко ответила я.

– А может, белое? Как знак моей невинности, – прошептала соседка.

Невинности? Что-то я сомневаюсь в этом!

Я перевела вопросительный взгляд на Оливию.

– Это я так, образно, – попытка оправдаться не удалась.

– Надевай белое, – если честно, мне было всё равно, что она выберет.

– Или всё-таки красное? Цвет любви, страсти...

– Оли, мне надо работать, – не выдержала я.

Хотела добавить что-то еще, но мысли сбил стук в дверь.

– Уже пол-одиннадцатого. Кто это может быть? – риторически спросила Оли.

Я предположила, что это Люк, только он мог пожаловать к нам в такое время. Но так как, выходя из моей комнаты, соседка не закрыла за собой дверь, я услышала незнакомые мужские голоса и решила выглянуть.

– Что происходит, Оли?

– Мисс, попрошу вас выйти из своей комнаты, – обратился ко мне мужчина в полицейской форме.

Вас ещё не хватало!

В прихожей стояли двое мужчин в форме, один из них держал собаку, одетую в полицейскую жилетку, и на заднем фоне подпирал стену смотритель общежития.

– Теперь обе присядьте на диван, – всё тот же мужчина командовал нами, – мы из отдела по борьбе с наркотиками. Поступили сведения, что кто-то из вашего общежития продаёт запре-

ценные вещества. Мои коллеги осмотрят ваши комнаты, и если всё хорошо, то уже через пять минут покинем ваши апартаменты, – рукой он указал на второго полицейского с собакой.

– Наркотики? – с неверием произнесла соседка. – Впервые слышу. Правда, Софья?

– Да, боюсь, у вас ложная информация. Здесь живут учёные, а не наркоторговцы, – говорила я, пока осматривали комнату Оливии.

Действительно, через пару минут мужчина с собакой уже следовал в мою комнату. И всё бы ничего, но, проходя мимо нас, он как-то странно посмотрел на меня. Нет, не так, как мужчина смотрит на понравившуюся женщину, а как на нарушившую закон. Но почему? Вмиг сердце быстрее застучало в груди и ладонки вспотели. Я принялась себя успокаивать и винить во всём накопившуюся усталость. Но когда в моей комнате раздался грозный лай собаки, я поняла, что не ошиблась. Было очевидно – у меня нарисовались большие проблемы.

– Что там, Стив? – без особого интереса крикнул полицейский, наблюдавший за нами всё это время. Вернее, он усердно кому-то писал сообщения в своём смартфоне, ни разу не взглянув на нас.

– А вот что, – полицейский со злорадной ухмылкой вышел из моей комнаты. И показал плотный прямоугольный пакет с белым содержимым. Он достал перочинный нож из кармана и вспорол его, пробуя белый порошок на язык. – Кокаин, он самый. Тут не меньше двадцати граммов. У кого-то неприятности! – сказал мужчина и пытливо посмотрел на меня.

– Этого не может быть, – Оливия вскочила с дивана и растерянно посмотрела на меня. – Мы уже месяц живём вместе, я бы обязательно заметила что-то неладное. Ей наверняка подкинули... Софья, тебя хотят подставить...

– Успокойся, – твёрдо сказала я, понимая, что девушке недалеко до истерики. – Где именно вы нашли это? И почему вы не в перчатках? – быстро собравшись с мыслями, спросила полицейского. Так меня учил дедушка действовать в критической ситуации. Отключать чувства и думать трезво.

– Нашёл в тумбочке, а перчатки мне не нужны, – он с вызовом посмотрел на меня.

– Значит, вы специально оставили свои отпечатки пальцев на этом пакете? Ведь моих там не найдёте. Я впервые вижу этот пакет. Да что уж там, я впервые вживую вижу кокаин. Вы его подкинули? – сама не ожидала от себя такого вопроса.

Иногда я слишком рискованно выражаюсь – это у меня от мамы. Дедушка в таких случаях говорил: «Внучка, прямолинейность возможна тогда, когда ты уверена, что за тобой наука и закон. А иначе это обычная бестактность». Он имел в виду, что я должна быть уверена на сто процентов, что мои высказывания не идут в противоречия с научными знаниями, законами жизни или законодательными актами. В остальных случаях он не советовал высказывать своё мнение. Вот только сейчас закон был не на моей стороне. Поэтому, очевидно, я поспешила с едким обвинением.

– Считаешь себя слишком умной? – Стив попытался подавить меня своим пронизывающим взглядом. Но я знала, что ни в чём не виновата и правда будет на моей стороне.

Я не дам им себя сломать!

– У тебя есть пять минут на сборы. А ты, – он обратился к Оливии, – перестань скулить. И лучше молчи до выяснения всех обстоятельств. Скажешь, что её куда-то отправили по работе. А руководство университета мы предупредим лично. Ясно тебе?

– Да, сэр, – Оли только сильнее начала переживать, крупные слёзы покатались из её глаз.

– Оли, всё будет хорошо. Перестань рыдать. Завтра утром мы уже вместе будем пить чай, – как можно увереннее сказала я. Хотя у самой сердце отбивало чечётку, а ноги стали ватными и отказывались идти. – И не вздумай сказать Люку! – обернувшись, сказала подруге.

Да, я не ошиблась. За короткий месяц стажировки наивная француженка стала мне другом. Не спорю, чаще она выводила меня из себя, но всё же её искренняя доброта подкупала.

Оли всегда интересовалась, как прошёл мой день, и с интересом слушала о моей работе, хотя я уверена, что многое ей было непонятно.

У меня никогда не было подруг. Я не знала, как правильно водить дружбу. Но поймала себя на мысли, что тоже переживала бы, если бы Оливию обвинили в чём-то незаконном. Наверное, так и проявляются дружеские чувства.

Под присмотром более дружелюбного полицейского по имени Лео я вернулась в свою комнату и переоделась в чёрный спортивный костюм. Даже не пришлось просить его отвернуться, так как мужчина беспрестанно смотрел в экран своего телефона.

– Куда вы меня отвезёте? – спросила, уже сидя в полицейской машине. Стив был за рулём. А рядом с ним на пассажирском сидении гордо восседал пёс – милая овчарка, которую так и хотелось почесать за ушком. Вот только я могла почесать за ушком лишь Лео, наверняка он даже не заметил бы этого. Его излишняя увлеченность телефоном начинала меня раздражать.

– В полицейский участок в паре кварталов отсюда, – отрешенно ответил Лео.

– А мне положен бесплатный адвокат? – серьёзно спросила я, не зная, какие права у обвиняемого в Штатах.

– Посмотрим на твоё поведение, – самодовольно произнес Стив.

– Вы не слишком ли себе много позволяете? В каком вы звании? Судя по вашим высказываниям, у вас самый низший ранг, – нарывалась я. Но и этот Стив вёл себя действительно неуважительно.

Может, в его глазах я и преступница, но в первую очередь девушка, которая... очень дерзко с ним разговаривает. Ладно, в нём говорит обида на моё обвинение. Но меня до сих пор не покидает мысль о том, что именно Стив и подкинул этот пакетик, и тот его коварный взгляд. Хорошо, что в Штатах необязательно присутствие понятых при задержании, это сказал мне Лео, когда я переодевалась. Было бы очень стыдно перед коллегами, хоть я и не виновата. Глядишь, может, никто и не узнает о моём ночном визите в полицейский участок. Вот только боюсь, что Оливия долго не сможет молчать. Если уже не обошла пол-общественности.

Пока я всё это обдумывала, Стив резко затормозил и начал парковать машину. Удивительно, но он ничего не ответил на мою бойкую речь, только под нос себе что-то выговаривал, и, кажется, это был не английский язык.

Я не успела рассмотреть полицейский участок ни снаружи, ни внутри. Меня быстро завели в здание, провели по узкому коридору направо, и я оказалась в небольшом кабинете. Приглушенный тусклый свет. Мрачные серые стены. Небольшой прямоугольный стол и пара стульев. Всё.

Что-то это мне напоминает...

– Сейчас к тебе подойдет детектив, – сказал Лео и вышел из кабинета. Я осталась одна.

В голове был сумбур, я не понимала, с чего стоит начать разговор с детективом: то ли оправдываться, то ли обвинять Стива во всех грехах. Потихоньку паника начинала овладевать мной.

Может, стоит потребовать адвоката, и пока он не появится, ничего не говорить? У меня слишком мало знаний в этой отрасли. Кроме дедушки мне и позвонить-то некому. А его буду в последнюю очередь беспокоить, всё же первый инфаркт он перенёс тяжело. Второй может и не пережить.

– Добрый вечер, Софья, – в кабинет вошёл знакомый мне агент ФБР.

– Роберт Фоуз? Решили зайти на огонёк? – я не знала, как реагировать на его появление.

Он медленно подходил к столу, за которым я сидела, и ничего не говорил, лишь выжидающе смотрел на меня, сузив глаза. На мгновение время остановилось, дыхание замерло, сознание перевернулось...

– Это вы всё подстроили? – спросила я, внимательно изучая мимику и взгляд мужчины. Мне следовало понять ход его мыслей до того, как он начнёт говорить. Всё указывало на то, что его речь не понравится мне. Но Фоуз был нечитаем. Всё-таки агент ФБР не мальчик с улицы. Да и я без телепатических способностей.

– Молодец! Быстро соображаешь, – сказал агент и сел напротив меня.

– Не помню, чтобы разрешала обращаться ко мне на «ты», – от моей непозволительной дерзости брови агента взлетели вверх и появилась легкая ухмылка. Очевидно, это весь комплекс эмоций, которые он мог себе позволить.

– Видишь ли, ты сейчас не в том положении, чтобы делать мне замечания и дерзить, – колко подметил Роберт.

– Правда? И что вы сделаете? Посадите меня в тюрьму? Сколько уже невинных людей пострадало от ваших рук? – быстро задавала вопросы я.

– На первом месте у меня работа, остальное её последствия. Но главное – итог, в котором я всегда выхожу победителем, – в своей спокойной манере говорил Роберт. – А теперь по делу. В твоей тумбочке нашли двадцать граммов кокаина. Есть двое парней из твоего общежития, которые на суде подтвердят, что ты пыталась продать им запрещенное вещество. Тебе светит от трех до пяти лет, в зависимости от того, какого адвоката найдет тебе дедушка. Насчёт отпечатков пальцев можешь не переживать – они тоже там есть. С современными технологиями это не проблема.

– Какой же вы...

– Ты девочка умная, понимаешь, что у тебя есть выбор. Я не каждому его предоставляю. Ты поможешь нам, а мы тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.